

Новые горизонты русистики

2025

№ 2 (28)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, ст. преп. **А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышик** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology N. V. Gladkaya.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, senior lecturer **A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurnmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M.N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк. ул. Университетская, 4.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 11 от 26.09.2025 г.

© Донецкий государственный университет, 2025

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 2 (28)
2025

Содержание

Лексикология и стилистика

Баляновская Ю. С. Оценка интеллектуальных способностей человека в русских фразеологических оборотах	3
Попова О. А. Соотношение вербальных и невербальных компонентов в поликодовых рекламных текстах российских вузов	10

Дискурсология и генристика

Дедова Е. В. Семантические особенности разговорной лексики в	17
публицистическом дискурсе	
Зуева Т. В. Функционирование русского языка в Донбассе	21

Словообразование и грамматика

Бутурлимова М. А. Лексико-семантические группы аббревиатур — военных наименований	28
--	----

Методика преподавания русского языка

Марушко А. А. Образовательный квест как способ повышения интереса у школьников к изучению русского языка	33
---	----

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Торопыно Д. И. Цветовые образы в повести «Гранатовый браслет» А.И. Куприна в рецептивном акте читательского восприятия	39
Губина Д.С. Глаголы речи в текстах русской классической литературы (на примере Ф. М. Достоевского)	45

Правила оформления материалов	51
--------------------------------------	----

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

**№ 2 (28)
2025**

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

Balyanovskaya Yu. S. Assessment of human intellectual abilities in Russian phraseology units	3
Popova O. A. The ratio of verbal and non-verbal components in polycode advertising texts Russian universities	10

Discourse and Genristics

Dedova E. V. Semantic features of colloquial vocabulary in journalistic discourse	17
Zueva T. V. Functioning of the Russian language in Donbas	21

Derivation and Grammar

Buturlimova M. A. Lexico-semantic groups of abbreviations – military names	28
---	----

Methods of teaching the Russian language

Marushko A. A. Educational quest as a way to increase the interest of schoolchildren in learning the Russian language	33
--	----

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Toropyno D. I. Color images in the story "The Garnet Bracelet" by A. I. Kuprin in the receptive act of reader's perception	39
Gubina D. S. Verbs of speech in the texts of Russian classical literature (on the example of F. M. Dostoevsky)	45
Rules for the design of materials	51

Лексикология и стилистика

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.18063973

Ю. С. Балановская © 2025

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. П. Курмакаева)

ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ

В статье рассматриваются русские фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные способности человека. Ум и интеллектуальные способности — это те внутренние качества, по которым оценивается человек. Именно фразеологические единицы содержат оценку ментальных действий и состояний субъекта. В статье предпринята попытка описать и систематизировать образы во фразеологизмах русского языка. Исследование фразеологизмов со значением «интеллектуальные способности человека» в русском языке позволяет выявить национальное представление о человеке — носителе знаний, особенностях его ментальных действий и состояний.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологические единицы, фразеологические обороты, интеллект, интеллектуальные способности, ум, оценка.

В русском языке зафиксировано великое множество выражений, характеризующих человека с разных сторон. При этом очень много фразеологизмов, характеризующих его интеллектуальные качества (для исследования были собраны и проанализированы 170 таких фразеологических единиц).

При характеристике интеллектуальных качеств человека, прежде всего, обращается внимание на вполне определенные части тела (не только внешние, но и внутренние) человека, связанные с характеристикой интеллекта. Это:

- а) **голова/башка/котелок:** *голова садовая, дурья голова, голова дырявая, голова варит, входить в голову, башка дубовая, дурья башка и т. д.;*
- б) **лоб:** *семи пядей во лбу, зарубить себе на лбу;*
- в) **мозг/мозги:** *мозги набекрень, сидеть гвоздем в мозгу, тронуться мозгами, шевелить мозгами;*
- г) **глаза, нос:** *раскрыть глаза, не видеть дальше своего носа, совать свой нос;*
- д) **рот, язык, зубы, палец:** *обвести вокруг пальца, палец в рот не клади, обломать зубы, язык плохо/хорошо подвешен и др.*

Объяснение этому явлению было дано уже давно. Так, этнограф XIX века И. М. Снегирев писал в книге «Русские в своих пословицах»: «Так как человек по свойству тела и души своей любит родниться с природою, изображать себя в языке своем, измеряя членами тела своего действия своего разума и движения сердца, то и в русских пословицах и поговорках часто встречаются сравнения и подобия, заимствованные от благородных частей тела, особенно от головы, языка, глаз, ушей, рук и пр., коими выражаются отвлеченные понятия посредством метафоры, господствующей в пословицах» [6, с. 6].

В словаре С. И. Ожегова отмечено 7 значений слова «голова»:

- 1) часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (у животного морды);
- 2) единица счета скота;
- 3) *перен. ум, рассудок;*

- 4) *перен.* человек как носитель каких-н. идей, взглядов, способностей, свойств;
- 5) *перен.* руководитель, начальник. *Всему делу г. Городской г. (устар.);*
- 6) передовой отряд, передняя часть (*спец.*). *Г. пехотной колонны;*
- 7) пищевой продукт в форме шара, конуса. *Г. сахару, Г. сыру* [3, с. 122].

«Голова» во всех фразеологизмах используется на основе синекдохи (обозначая часть вместо целого, представляет всего человека). Это наблюдается в большинстве фразеологизмов.

При этом характеристика человека дается и прямая, и переносная: *пустая голова, дурья голова, умная голова, дубовая голова, мякинная голова, забубенная голова, садовая голова, пролетная голова, ветреная голова, садовая голова, голова и два уха, хоть кол на голове теши, без царя в голове* (прилагательные-эпитеты выполняют функцию определения) и т. д.

Всего человека характеризуют и такие фразеологизмы: *негде голову приклонить, ветер в голове гуляет, на свою голову, висеть над головой* и т. д.

Символическое значение слова «голова» во многих фразеологизмах связано со значением слов «ум», «рассудок»: *на свежую голову, ломать голову, окунуться с головой, морочить голову, потерять голову, не идет в голову, не идет из головы, засесть гвоздем в голове, схватиться за голову, каша в голове, голова варит (котелок варит), взбрело в голову — взбрело на ум, входить в голову — входить в ум, терять голову — терять ум, рассудок и т. д.* (свыше 50 % всех фразеологизмов). Это доказывается еще и тем, что многие из таких фразеологизмов в качестве варианта имеют в основе слово *башка, котелок*.

Интересным в этой связи оказывается новое значение у фразеологизма *свежая голова*, имеющее, правда, профессиональный характер. Данный фразеологизм существует давно со значением «человек после отдыха, еще не уставший». В среде журналистов родилось выражение, называющее человека с помощью слова «голова» с несколько иным значением, т.е. имеющим новый взгляд на существующее положение вещей, отличающийся оригинальностью мыслей и суждений: *«Почти всю ночь Ирина Михайловна Алексина провела в редакции, потому что настала ее очередь быть «свежей головой»* (И. Юдович. «Встречи в редакции»).

Обыгрывается во фразеологии пространственное положение головы: *выше головы не прыгнешь, ставить с головы на ноги, ходить на голове, висеть над головой, с головы до ног и др.*

Со словом «голова» связаны и фразеологизмы, обозначающие угрозу для человека (*намылить голову, погладить /не погладить по головке*), его психическое состояние (*опускать голову, как обухом по голове, голова идет кругом, вскружить голову, очертя голову*), неожиданность (*как снег на голову*) и т. д.

Вторая группа фразеологизмов, представляющих умственные способности человека, связана со стержневыми словами *дурак* (дурак набитый, круглый дурак), *ум, разум, рассудок, память* (задним умом крепок, не идет на ум, жить своим умом/разумом, ум за разум заходит).

К третьей группе мы отнесли фразеологизмы, в которых стержневыми словами, характеризующими интеллектуальные способности человека, оказываются названия:

- а) животных (*баран, осел, коза, курица*) и птиц (*птица, воробей, ворона, голубь*);
- б) растений (*дуб, ель, пень, лыко, лук, белена*);
- в) продуктов и их отходов (*мякина, солома, бобы, бодяга, хмель, яйцо*);
- г) артефактов (*балалайка, винтик, калоша, пузырь, мешок, дубина, пробка, огород, торба, порох*);
- д) природных явлений (*ветер, лужа, небо, звезды, бездна*);
- е) математических и географических понятий (*нуль, Америка*);

- ж) высших сил (*бог, черт*);
- з) звукоподражания (*ни бе ни ме ни кукаrekу, ни бум-бум*).

Среди перечисленных фразеологизмов преобладают фразеологизмы-синонимы (*голова дырявая, дурья голова*); но встретились и фразеологизмы-антонимы (*обвести вокруг пальца — пальца в рот не клади, птица высокого полета — птица низкого полета, садиться в лужу — посадить в лужу*).

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать группу фразеологизмов, обозначающих умственные способности, по следующим критериям:

1. **По степени семантической спаянности компонентов** в группе фиксируется преобладание фразеологических единств и сочетаний. Фразеологические сращения и выражения представлены в меньшей степени.

2. **По структурному составу** абсолютно доминируют двухкомпонентные модели. Трех- и особенно четырехкомпонентные конструкции встречаются существенно реже. Большинство фразеологизмов являются глагольными; именные модели составляют приблизительно одну треть от общего корпуса. Отмечаются единичные случаи адвербализованных (перешедших в наречия) форм.

3. **В стилистическом отношении** наблюдается следующее распределение: основу группы формируют стилистически нейтральные единицы, однако значительный массив принадлежит к разговорному и просторечному стилистическим пластам. Для последних характерны дополнительные оценочные коннотации: ироническая, шутливая, пренебрежительная, неодобрительная. Книжные фразеологизмы, в том числе восходящие к мифологическим источникам (*аза ни аза, буриданов осел, искра божья*), являются маргинальными.

Особую подгруппу образуют фразеологизмы, актуализирующие связь между умственными/деловыми качествами и поведенческими паттернами, часто вербальными (напр., *ломать комедию, носиться как дурень с писаной торбой*). Данные единицы структурно представлены в основном двухкомпонентными глагольными сочетаниями и обладают ярко выраженной разговорной и эмоционально-экспрессивной окраской.

Фразеологизмы, характеризующие человека с высоким интеллектуальным уровнем, значительно меньше, чем фразеологизмы, характеризующие человека с низким интеллектуальным уровнем.

В данную группу вошли следующие подгруппы фразеологизмов:

а) фразеологизмы, называющие части тела человека, отвечающие за его умственные способности: 1) **голова**: *голова варит, иметь голову на плечах, царь в голове, с царем в голове*; 2) **лоб**: *семи пядей во лбу*; 3) **палец, зубы**: *пальца в рот не клади, обломать зубы; мозги*: *шевелить мозгами, раскидывать мозгами*; 4) **глаза (способность видеть, проницательность)**: *видеть насекомое, видеть на три аришина в землю/под землей*;

б) фразеологизмы со стержневыми словами **ум, память, рассудок, разум, цена**: *жить своим умом, в своем уме, себе на уме, ума палата, большого ума, на свежую память, в трезвом рассудке, жить своим разумом, знать себе цену*;

в) фразеологизмы со стержневыми словами **волк, птица, воробей, калач (в переносном значении)**: *старый волк, стреляный воробей, стреляная птица, третий калач*;

г) фразеологические сращения, высоко оценивающие в целом человека по его умственным способностям (нередко с использованием гиперболы): *бездна премудрости, божья искра*.

Умный человек может менее умного *посадить в лужу/ в калошу, оставить с носом, обводить вокруг пальца, объехать на кривой (козе, вороных)*, может ему *натянуть нос, утереть нос* и др.

Умный человек, как правило, *схватывает на лету, ему пальца в рот не клади, он не лыком шит* и т. п.

Фразеологическая репрезентация интеллектуальных способностей человека не ограничивается их статической характеристикой, но также включает динамический аспект, связанный с возможностью их приобретения, развития (аккреция) или, напротив, утраты и деградации (редукция). На основании данного параметра вся анализируемая совокупность фразеологизмов подразделяется на две макрогруппы:

1. Фразеологизмы, обозначающие улучшение или активизацию умственных способностей.

2. Фразеологизмы, обозначающие ухудшение, ослабление или утрату умственных способностей.

Структурно-семантический анализ макрогруппы:

1. Фразеологизмы аккреции интеллектуальных способностей

Данная группа семантически членится на несколько подгрупп, организованных вокруг ключевых сем:

- Ментальная деятельность и восприятие: фразеологизмы с доминантными компонентами *голова, мозги* (*приходить в голову, вбивать в голову, вправлять мозги*).

- Рационализация и обретение рассудка: единицы с компонентами *ум, разум, сознание* (*хвататься за ум, учить уму-разуму, приходить в рассудок, собираться с мыслями*).

2. Фразеологизмы редукции интеллектуальных способностей Данная группа отличается большим семантическим разнообразием и включает следующие тематические подгруппы:

- Прямая утрата рассудка: фразеологизмы с компонентами *голова, ум, рассудок* (*терять голову, выжить из ума, помрачение ума*).

- Социальная неудача и инфантилизация: (*сесть в лужу, впасть в детство*).

- Иллюзорное, неадекватное восприятие: (*смотреть сквозь розовые очки*).

- Некритическое восприятие и глупость: (*разуть рот, смешинка в рот попала*).

- Единичные фразеологические сращения: (*попасть впросак*).

Специализированные семантические подгруппы

Помимо оппозиции «аккреция/редукция», в рамках анализа выделяется отдельная подгруппа, вербализующая концепт интеллектуальной ограниченности и узости кругозора. Ключевыми для нее являются семы «эгоцентризм» и «субъективизм»:

- Ограничность восприятия: (*не видеть дальше своего носа*).

- Навязчивая идея: (*сесть на своего конька*).

- Субъективная оценка: (*мерить на свой аришин, смотреть со своей колокольни*).

- Единичные фразеологические сращения: (*на свой салтык*).

Отдельного внимания заслуживают фразеологизмы, отражающие неодобрительное восприятие внезапного проявления способностей, которое мотивируется:

- Молодостью субъекта (*молоко на губах не обсохло*).

- Несоответствием статусу (*шишика на ровном месте, колосс на глиняных ногах, садиться не в свои сани*).

- Саморекламой и переоценкой возможностей (*строить из себя, набивать себе цену*).

Кроме того, выделяется пласт фразеологизмов, описывающих интеллектуальное напряжение и затруднения в процессе решения сложных задач (*ломать голову, голова идет кругом, ума не приложу, бродить в потемках*).

Стилистические и системные характеристики

С точки зрения организации фразеологической системы, в данной лексико-семантической группе наблюдается значительное преобладание синонимических рядов над антонимическими оппозициями, которые представлены единичными примерами (ср.: *вбивать в голову* — *выбрасывать из головы*).

Стилистически ядро группы составляют нейтральные единицы. Разговорно-просторечные и книжные стили представлены маргинально. К устаревшим относятся фразеологизмы *попасть впросак* и *на свой салтык*, к книжным — *колосс на глиняных ногах*.

Таким образом, семантика анализируемых фразеологизмов преимущественно связана с обладанием, приобретением или утратой умственных способностей и деловых качеств, что формирует целостную динамическую модель их вербализации в языке.

Разделить фразеологизмы, характеризующие человека с низким интеллектуальным уровнем, оказалось очень сложно, т.к. четкого разграничения между ними нет. И если фразеологизмы со стержневыми словами *дурак*, *дубина*, *пень*, *олух*, *нуль* можно вполне отнести к группе фразеологизмов, называющих *дурака* (*дурак набитый*, *дурак петый*, *дурак дураком*, *пень березовый*, *дубина стоецкая*, *олух царя небесного*, *абсолютный нуль*), то фразеологизмы со стержневыми словами *голова*, *бог*, *балалайка* и др. (*садовая голова*, *бессструнная балалайка*, *богом обиженный*) могут характеризовать и человека глупого, и дурака.

Кроме того, фразеологизмы типа *бессструнная балалайка*, *желторотый птенец*, *чучело гороховое* дают не только характеристику низкому интеллектуальному уровню человека; в их значение включены и другие качества: *бессструнная балалайка* — *болтливый* + *глупый человек*, *желторотый птенец* — *глупый*, потому что *молодой* и *неопытный*, *чучело гороховое* — *и глупый, и плохо одетый* (возможно и то и другое). В связи с этим мы решили дать общую характеристику фразеологизмам, характеризующим человека с низким интеллектуальным уровнем, не проводя разграничения между понятиями *глупый* и *дурак*.

Как уже говорилось, фразеологизмы, характеризующих человека с низким интеллектуальным уровнем, значительно больше, чем фразеологизмы, характеризующих человека с высоким интеллектуальным уровнем.

Прежде всего, это фразеологизмы со стержневым словом, обозначающим такую часть тела человека, как *голова* и *башка*. Человека с низким интеллектуальным уровнем называют *голова садовая*, *дырявая*, *дурья*, *дубовая*, *еловая*, *ветреная*, *забубенная*, *мякинная*; *башка мякинная*, *дубовая*, *дурья*, *пустая* и т. д.

В качестве характеристики такого человека используются также:

а) артефакты (*балалайка*, *пень*, *дубина*, *пробка*): *бессструнная балалайка*, *пень березовый/дубовый*, *дубина стоецкая*, *глуп как пробка*;

б) названия животных и птиц (*баран*, *осел*, *коза*, *курица*, *птенец*): как *баран на новые ворота*, *буриданов осел*, *отставной козы барабанщик*, *желторотый птенец*, *носится как курица с яйцом*;

в) прямые названия его самого, или их синонимы — нередко в переносном значении (*дурак/дурень*, *олух*, *чучело*, *горе*, *мешок*): *дурак набитый*, *круглый дурак*, *петый дурак*, *олух царя небесного*, *чучело гороховое*, *горе луковое*, *мешок с соломой*;

г) ссылка на высшие силы, которые не помогли ему в умении (*богом обиженный*, *богом убитый*, *без царя в голове*);

д) математические термины или географические названия (*абсолютный нуль*, *открывать Америку*);

е) звукобуквенные подражания, обозначающие либо отсутствие знания, либо отсутствие знания и плохую речь, неумение ясно выражать свои мысли (*ни бе ни ме ни кукареку*, *ни бельмеса*, *ни бум-бум*); фразеологические сращения книжного

характера (*аза ни аза*).

Недостаток ума у человека низкого интеллектуального уровня характеризуют и его поступки, действия (прежде всего связанные с умением говорить или слушать, но не только). Он: *объелся белены, огород городит, разводит антимонии/ бобы/ бодягу/ вавилоны/муру/разводы/тары-бары, слушает разинув рот, несет ахинею/околесицу, шит лыком, задним умом крепок.*

Человек низкого интеллектуального уровня как из-за угла мешком трахнутый/прибитый, не стоит гроша медного/ плевка/ ногтя/мизинца/ подметки, разбирается как свинья в апельсинах (в чем-либо), ему гроши цена, хоть кол на голове теши, как об стенку горох, у него язык плохо подвешен/привешен, его не разберешь и т. п.

В качестве сравнения используются самые ничтожные с точки зрения человека материальные «предметы»: *медный грош, плевок, ноготь, мизинец, подметка* и т. д.

Если умный человек притворяется глупым, то он *разыгрывает дурака/ шута горохового, валяет/корчит дурака/ваньку, ломает дурака/ комедию*, если оказывается в глупом положении, то он *остается при своем интересе/ при пиковом интересе, садится в лужу/ в калошу*, его могут другие *посадить в лужу/ в калошу*.

Изобразительно-выразительными средствами в подобных фразеологизмах оказываются: эпитет (дубовый, березовый, еловый, пустой, дырявый и т. п.), метафора (чучело, мешок, балалайка и пр.), синекдоха (голова еловая, садовая, мякинная и пр.), сравнение (как об стенку горох, как из-под угла мешком трахнутый, как дурень с писаной торбой и др.). При этом нередко используется гипербола (пень дубовый, глуп как пробка) или литота (гроши медного/ногтя/ подметки не стоит).

Основные фразеологизмы, характеризующие человека с низким интеллектуальным уровнем, — это фразеологизмы-синонимы, антонимы здесь единичны: *садиться в лужу/калошу — посадить в лужу/калошу*.

В стилистическом отношении в большинстве своем такие фразеологизмы нейтральны или имеют разговорный или разговорно-просторечный оттенок: *ирон., шутл., презр., есть* и фразеологизмы книжного характера (*аза ни аза, абсолютный нуль* и др.).

Фразеологизмы, характеризующих косвенно умственные способности человека, в сравнении с двумя предыдущими группами, оказалось немного. Выделить их в отдельную группу оказалось непросто, т.к. данные фразеологизмы характеризуют не только умственные, но и другие способности и качества человека: легкомысленность, нерасторопность, несдержанность, невнимательность, излишнюю мечтательность, опрометчивость, невысокий социальный статус и др.

Такие фразеологизмы чаще всего характеризуют человека, имеющего средние умственные способности (хотя порой могут характеризовать и человека высокого интеллектуального уровня), который может быть легкомысленным, излишне доверчивым, говорить лишнее и т. д. Он может оказаться безнадежным мечтателем или занимать не соответствующее ему положение, ему нельзя доверить большое серьезное дело, требующее определенных умственных способностей. Но и глупым такого человека назвать нельзя, т.к. он сам нередко осознает свою опрометчивость и старается по возможности исправить положение.

Фразеологизмы, характеризующие косвенно умственные способности человека, включают в свой семантический состав и другие его качества, которые так или иначе влияют и на проявление умственных способностей, а именно: эмоции и связанные с ними доверчивость, открытость, легкомыслие, неосторожность и т. п.

Так, легкомысленный человек обычно *подбитый ветром/ветерком, без руля и без ветрил, у него ветер в голове свистит/бродит/гуляет, ветреная голова*, иногда он считает *галок/ворон* и т. п. Такой человек, как правило, не отличается высоким интеллектом, однако

легкомыслие обычно свойственно молодым людям, чаще самоуверенным, но в то же время без достаточного опыта и знаний. Поэтому названные фразеологизмы характеризуют определенную возрастную группу людей. Кроме того, чаще всего именно молодые люди *витают в облаках, строят воздушные замки*, о некоторых из них (из-за их неуправляемого поведения) можно сказать *Саврас без узды*.

Косвенно фразеологизмы характеризуют умственные способности человека, занимающего определенное положение, имеющего определенный социальный статус. Чаще всего низкое общественное положение, низкий социальный статус или происхождение связаны и с невысоким интеллектуальным уровнем, что находит отражение в следующих фразеологизмах: *по сеньке (и) шапка, мелкая сошка, последняя спица в колеснице, серая скотинка, птица невысокого/низкого полета*.

Умственно ограниченный человек (независимо от возрастной категории) *звезд с неба не хватает, пороха не выдумает, выше себя не прыгнет, мелко плавает, не видит дальние своего/собственного/воробышного носа*, у него *гайка слаба, винтиков не хватает*.

Излишне доверчивый и эмоционально настроенный человек (независимо от качества интеллектуального уровня) может *раскрыть/распахнуть душу, раскрыть свои карты, душу вывернуть нараспашку, оказаться святой простотой*.

Непродуманность в совершении тех или иных поступков, несдержанность может *сбить с панталыку/с толку, такой человек может сам сесть в калошу, говорить или делать что-либо наобум Лазаря (не продумав), его леший может дернуть за язык и т. д.*

В основном описанные фразеологизмы — это именные или глагольные сочетания, в семантическом отношении представляющие собой фразеологические сочетания или единства. Фразеологические сращения для этой группы не характерны.

Фразеологизмы, косвенно характеризующие умственные способности, также двух-, трехкомпонентны. Встретились и многокомпонентные сочетания. С грамматической точки зрения преобладают (хотя и ненамного) глагольные фразеологизмы над именными.

Преобладают среди названных фразеологизмов фразеологизмы-синонимы (*витают в облаках, строят воздушные замки; мелко плавает, пороху не выдумает, гайка слаба; мелкая сошка, последняя спица в колеснице*), хотя отмечены и фразеологизмы-антонимы (*хватает звезды с неба — звезд с неба не хватает; последняя спица в колеснице — шишка на ровном месте*).

Стилистически данная группа фразеологизмов в основном представлена нейтральными, реже — разговорными и разговорно-просторечными фразеологизмами. Книжные фразеологизмы в этой группе не зафиксированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богусловский, В. М. Оценка внешности человека: словарь: [оценки общего впечатления восприятия внешности человека, оценки лица, оценки «деталей» лица]. — Москва: АСТ: Торсинг, 2004. — 254 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / В. А. Маслова; отв. ред. У. М. Бахтиреева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 208 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка; около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под редакцией доктора филологических наук, профессора Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и образование, 2024. — 1375 с.
4. Сираева, Р. Т. Фразеологизмы со значением «интеллектуальные способности человека» в русском и английском языках / Р. Т. Сираева // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 4. — Режим доступа — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13568> (дата обращения: 08.10.2025).
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. Коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. — Москва: Слово/Slovo, 2000. — 261 с.
6. Фразеологический словарь русского языка [Текст]: Свыше 4000 словар. статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. — 3-е изд., стер. — Москва: Рус. яз., 1978. — 543 с.

7. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: монография / Н. М. Шанский. — Изд. стереотип. — Москва: URSS, 2021. — 272 с.

Поступила в редакцию 25.08.2025 г.

J. S. Balyanovskaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN
INTERNET COMMUNICATION**

This article examines Russian phraseological units characterizing a person's intellectual abilities. Intelligence and intellectual abilities are the internal qualities by which a person is evaluated. Phraseological units specifically convey an assessment of a subject's mental actions and states. This article attempts to describe and systematize the images in Russian phraseological units and the language. A study of phraseological units meaning "a person's intellectual abilities" in the Russian language allows us to identify the national concept of a person as a bearer of knowledge, as well as the characteristics of their mental actions and states.

Key words: *phraseological unit, phraseological units, phraseological units, intellect, intellectual abilities, intelligence, evaluation.*

Баляновская Юлия Сергеевна

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: baly2791@mail.ru

Balyanovskaya Julia Sergeevna

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undergraduate student.

E-mail: baly2791@mail.ru

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakayeva Nina Petrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian

Language.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 81'42:659.123.4

DOI: 10.5281/zenodo.18064033

O. A. Попова © 2025

*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доцент И. А. Сафонова)*

**СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ
В ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ**

В статье описаны результаты исследования поликодовых рекламных сообщений российских вузов. Выявлены три типа корреляции вербальных и невербальных компонентов внутри поликодового рекламного текста вуза: вербально-доминирующая, взаимозависимая и взаимодополняющая. Установлено, что основное содержание в рекламе вузов транслируется вербальными средствами. Роль невербальных компонентов варьируется в зависимости от выбранного типа корреляции от вспомогательной до равнозначной.

Ключевые слова: *рекламный текст, поликодовый текст, поликодовость, вербальный компонент текста, невербальный компонент текста.*

В настоящее время создается множество текстов, посредством которых, помимо информирования, осуществляется воздействие на аудиторию с целью организовать ее восприятие и определить для нее поведенческие установки. В этих условиях особую значимость приобретают рекламные тексты, понимаемые как подготовленные

сообщения, имеющие устную или письменную форму, доносящие ту или иную информацию, которая предназначена для широкой аудитории и имеет конкретную цель — привлечь внимание адресатов к рекламируемому объекту [6, с. 211].

Для того чтобы основная цель рекламного сообщения была достигнута, необходимо придерживаться определенной структуры. Так, Т. Шахлои указывает, что его верbalная часть должна включать четыре основных элемента: заголовок, слоган, основной рекламный текст и эхо-фразу [15, с. 1315].

Заголовок — это первое, что воспринимает аудитория при знакомстве с рекламным сообщением. Поскольку адресат может не прочитать сообщение полностью и ограничиться только заголовком, эта часть должна сразу указывать на преимущества рекламируемого продукта. Важнейшая задача заголовка — отражение основного смысла рекламного сообщения. В структуру заголовка входят обращение к аудитории и главный рекламный аргумент [там же].

Организующим для любого рекламного сообщения является слоган — яркая, запоминающаяся фраза, использующаяся в большинстве случаев с целью подчеркнуть преимущества своего продукта. В отдельных случаях слоганы помещаются в начале рекламного текста или вместо заголовка. Такой инструмент представляет собой визитную карточку рекламируемого продукта, часто оформленную графически и сопровождаемую изображением. Благодаря своей яркости и краткости слоганы способны быстро и эффективно передавать рекламные предложения, акцентируя внимание аудитории на названии и главных достоинствах продукта [7, с. 66–67].

Не менее важна в рекламном тексте эхо-фраза, представляющая собой обобщение содержания рекламного текста. Как отмечает Т. Шахлои, она может слегка измененно повторять рекламный слоган, а также воспроизводить самую важную, ключевую часть текста. Эхо-фраза предназначена для того, чтобы снова презентировать главную информацию и придать рекламе законченный вид [15, с. 1316].

При наличии обязательных составляющих рекламный текст может подвергаться изменениям: определенные части могут не использоваться, а некоторые структурные элементы могут заменяться другими.

Для успешного воздействия на аудиторию рекламные тексты вузов должны обладать не только информационной ценностью, но и эмоциональной привлекательностью, что требует от авторов умения сочетать различные элементы и коды таким образом, чтобы создать привлекательный для адресатов образ рекламируемого объекта. Обогащение рекламного текста кодами разных знаковых систем, по замечанию А. В. Анненковой, делает его мультисемиотичным, что, в свою очередь, «позволяет увеличить знаково-символический потенциал рекламной изобразительности и обогатить ассоциативно-образный потенциал рекламы» [1, с. 30].

Поликодовые рекламные тексты, объединяющие различные знаковые системы — вербального и невербального характера (визуальные, аудиальные и др.), становятся все более востребованными в современной коммуникации. Интеграция вербальных и невербальных компонентов позволяет повысить привлекательность, эффективность рекламного сообщения, сформировать комплексный образ рекламируемого объекта — носителя имиджа — в индивидуальном когнитивном пространстве реципиента [1, с. 30].

Поликодовые тексты не раз становились объектом изучения в работах исследователей. Так, учеными рассмотрены общие теоретические аспекты и когнитивные основы поликодовости [см., например: 3; 12]; описаны разновидности поликодовых текстов и особенности их функционирования в рекламной коммуникации [см., в частности: 1; 2; 10; 13; 14]; охарактеризованы вербальные и невербальные компоненты поликодового текста [см.: 4; 5; 8; 16].

Различные семиотические элементы внутри поликодового сообщения обладают неодинаковой значимостью, что обусловлено физиологией человеческого восприятия. Основным каналом получения человеком информации о мире является зрительный. Зрение представляет собой основной модус (модальность) восприятия, а его доминирование («окуляроцентризм») — общечеловеческую универсалию [подробнее об этом см.: 9]. Соответственно, максимальное количество информации передаётся через визуальные знаки, к которым относятся печатный текст и разного рода изображения [2, с. 8]. Потому наиболее информативные и социально значимые знаковые системы обращены преимущественно к органам зрения [см., например: 3].

Цель нашего исследования состоит в выявлении специфики взаимодействия верbalьных и неверbalьных компонентов в рекламных текстах вузов.

Материал для изучения составили рекламные тексты российских государственных и негосударственных вузов, опубликованные на сайтах образовательных учреждений и в средствах массовой информации.

Анализ материала позволил определить, что верbalьные и неверbalьные средства используются в разных структурных частях поликодовых рекламных сообщений — заголовке, слогане, основном рекламном тексте и эхо-фразе. Неверbalьные средства представлены графическими знаками других кодовых систем (например, цифрами), типографическим выделением, цветовой гаммой, рисунками, фотоизображениями, видеорядом, пространственной организацией элементов и фоновыми звуками.

При описании поликодовых рекламных текстов мы опираемся на положения концепции В. А. Сенцовой, выделяющей пять типов текстов в зависимости от соотношения в них верbalьных и неверbalьных компонентов.

1. Тексты с верbalьно-доминирующей корреляцией, при которой верbalьная составляющая сохраняет автономность и является смысловым центром, независимым от визуального ряда, а неверbalьный компонент выполняет второстепенные, вспомогательные функции: он дополняет, иллюстрирует или усиливает сказанное, оставаясь факультативным.

2. Тексты с неверbalьно-доминирующей корреляцией, при которой основная смысловая нагрузка возложена на неверbalьный элемент, а словесная часть, в свою очередь, играет роль пояснения или дополнения к неверbalьному сообщению.

3. Тексты с взаимозависимой корреляцией, в которых наблюдается предельная интеграция верbalьных и неверbalьных элементов. Эти элементы настолько тесно связаны, что невозможно их раздельное существование или анализ без полной утраты изначально заложенного смысла.

4. Тексты с оппозиционной корреляцией, в которых наблюдаются противоречия между содержанием, передаваемым верbalьными и неверbalьными средствами.

5. Тексты с взаимодополняющей корреляцией, где верbalьный и неверbalьный компоненты обладают относительной самодостаточностью, однако их взаимодействие многократно усиливает общее значение [11, с. 37–42].

В изучаемых поликодовых рекламных текстах высших учебных заведений выявлены тексты с верbalьно-доминирующей, взаимозависимой и взаимодополняющей корреляцией.

Отсутствие текстов с неверbalьно-доминирующей корреляцией связано в первую очередь с особой значимостью верbalьной информации в рекламных сообщениях вузов, текстов с оппозиционной корреляцией — с невозможностью использования контраста для организации текстов вузов в силу ориентированности на гармоничное сочетание элементов, исключающее смысловые противоречия.

Рассмотрим примеры поликодовых рекламных сообщений вузов с вербально-доминирующей корреляцией. Невербальным компонентом, часто используемым в современных рекламных текстах, является хештег (см. рис. 1).

Рис. 1. Рекламное сообщение на сайте
Московского технологического университета

Лексические единицы, отмеченные хештегом, акцентируют внимание абитуриентов на отсутствии трудностей при поступлении, поэтому в сознании адресата университет будет ассоциироваться с местом, куда сможет поступить каждый желающий. Слова с хештегом оформлены с помощью разных цветов, что добавляет изображению визуальной привлекательности и помогает выделить преимущества (#легко; #доступно #для всех).

Рекламное сообщение завершает прямой призыв к действию — словосочетание *Подать заявку*, выделенное белым на красном фоне, привлекает внимание аудитории и побуждает подать документы в данное учебное заведение. Фотоизображение девушки, указывающей на привлекательные для абитуриентов характеристики поступления в МТИ, дополняет и усиливает вербальную составляющую. Рекламное сообщение насыщено невербальными компонентами, которые создают акценты и помогают ориентироваться в информации, презентированной вербально.

Рассмотрим еще один пример поликодового текста с данным типом корреляции (см. рис. 2).

Рис. 2. Рекламное сообщение на сайте
Севастопольского государственного университета

В данном рекламном тексте отмечается близость города, в котором находится вуз, к Черному морю, что и составляет преимущество учебного заведения. Изображение живописного побережья визуализирует вербальную составляющую (учись у тёплого моря), делая образ моря более осязаемым и желанным. Значимая для потенциальных

абитуриентов информация выражена вербально (*бюджетные места; направления подготовки*) и невербально, с помощью цифр (2500; 200).

При взаимозависимой корреляции, как отмечает В. А. Сенцова, формирование заданного общего смысла достигается посредством гармоничного взаимодействия вербальных и невербальных элементов, что приводит к необходимому воздействию на адресата. Отсутствие одного из элементов структуры поликодового текста может привести к «частичному или полному непониманию другого элемента» [11, с. 39–43].

Взаимозависимую корреляцию вербального и невербального компонентов можно рассмотреть на примере рекламы Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (рис. 3).

Рис. 3. Рекламное сообщение на сайте
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения

Визуальная «дорожная карта» со стрелками иллюстрирует путь студента по этапам образования (*среднее профессиональное образование; бакалавриат; специалитет; магистратура; аспирантура*) и помогает быстро сориентироваться в иерархии элементов. Заголовок текста (**ВЫБЕРИ СВОЙ ПУТЬ**) содержит глагол в форме императива и создаёт эффект прямого и личного обращения к потенциальному абитуриенту. Глагол побуждает читателя принять решение и начать процесс поступления, что является конечной целью вузовской рекламы. Изолированно ни изображение, ни текст не могут быть однозначно восприняты читателем: понять данную карту можно только благодаря подписям, а сообщение без рисунков, в свою очередь, даст лишь представление о ступенях образования, но не об их взаимосвязи.

Ключевое различие между текстами со взаимозависимой и взаимодополняющей корреляцией заключается в степени «спаянности» их структурных компонентов. Тексты со взаимодополняющей корреляцией отличаются не столь жесткой связью вербальной и невербальной составляющих, которые остаются относительно независимыми друг от друга.

Поликодовые тексты со взаимодополняющей корреляцией в исследуемом материале представляют рекламные ролики университетов. Для иллюстрации рассмотрим ролик Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева: *В КНИТУ-КАИ есть все, и все это для тебя!* Данный ролик содержит вербальный, визуальный и аудиальный компоненты, при этом каждый из них обладает относительной самодостаточностью. В слогане выражено обещание широких возможностей для студентов. Видеоряд подтверждает тезис *есть все*, показывая студентов университета, занимающихся наукой, учебой, спортом и создавая впечатление свободы выбора (см. рис. 4).

Рис. 4. Кадры из рекламного ролика
Казанского национального исследовательского технического университета
имени А. Н. Туполева

Вербальный и невербальный компоненты усиливают, дополняют и обогащают друг друга. В результате объединения элементов воздействие на аудиторию возрастает, при этом каждая составляющая остается функциональной и понятной по отдельности.

Таким образом, исследование показало, что эффективность рекламной коммуникации достигается благодаря взаимодействию вербальных и невербальных составляющих.

Роль невербальных компонентов в данных рекламных сообщениях варьируется от поддерживающей до равнозначной в зависимости от специфики рекламной задачи и выбранного типа корреляции.

В поликодовых рекламных текстах вузов с вербально-доминирующей корреляцией вербальные средства являются основным носителем информации, а невербальный компонент выполняет вспомогательные функции (выделить вербальную составляющую, оптимизировать навигацию, повысить эффективность общего воздействия на потенциальных абитуриентов).

Тексты со взаимозависимой корреляцией отличает связь вербальных и невербальных компонентов, при которой восприятие их отдельно друг от друга становится затруднительным или невозможным. В рекламных сообщениях с такой корреляцией посредством невербальных элементов расставляются акценты, транслируются идеи и формируются устойчивые ассоциации.

В рекламных текстах со взаимодополняющей корреляцией совместное функционирование компонентов, каждый из которых обладает относительной самодостаточностью, приводит к усилению желаемого коммуникативного эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова, А. В. Имиджевая реклама: реализация метафорического потенциала поликодовых текстов имиджевой рекламы / А. В. Анненкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 27–49.
2. Беляков, И. М. Особенности баннерной интернет-рекламы как поликодового текста (лингвистический аспект): специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беляков Иван Михайлович. — Москва, 2009. — 25 с.
3. Большакова, Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 4 (63). — С. 19–24.
4. Бородина, Л. В. Вербальные и невербальные средства создания положительного имиджа во франкоязычном рекламном тексте / Л. В. Бородина, Д. С. Непьянов // Огарев-Online. — 2022. — № 16 (185). — С. 1–5.
5. Гелдилиева, А. А. Цвет как паралингвистическое средство реализации текстовых категорий в учебных поликодовых текстах / А. А. Гелдилиева // Современное педагогическое образование. — 2020. — № 11. — С. 223–227.
6. Кузница, Е. С. Языковая игра как средство создания и функционирования рекламного текста / Е. С. Кузница // Вестник Московского государственного областного университета. — 2021. — № 2. — С. 209–218.
7. Морозова, Е. С. Особенности рекламных малоформатных текстов / Е. С. Морозова // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. — 2022. — № 2. — С. 62–68.

8. Рацибурская, Л. В. Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста / Л. В. Рацибурская, С. Г. Бусарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. — 2024. — Т. 23, № 4. — С. 142–158.
9. Сафонова, И. А. Метафорическая репрезентация зрительной перцепции в современном русском языке (модель «движение — восприятие») / И. А. Сафонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. — 2023. — Т. 22, № 6. — С. 106–119.
10. Селеменева, О. А. Средства создания рекламных эффектов в креолизованных текстах маркетинговой коммуникации / О. А. Селеменева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 105–117.
11. Сенцова, В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный)» : дис. канд. пед. наук / Сенцова Валентина Андреевна. — Санкт-Петербург, 2017. — 184 с.
12. Сонин, А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект / А. Г. Сонин. — М. : Институт языкоznания РАН, 2005. — 219 с.
13. Ткачева, Е. А. Современное рекламное сообщение как креолизованный текст / Е. А. Ткачева, А. В. Литвинов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 5-4 (119). — С. 111–113.
14. Чубай, С. А. Роль визуального компонента в создании стилистических фигур речи на плакатах социальной рекламы / Т. В. Анисимова, С. А. Чубай // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 2. — С. 192–205.
15. Шахлои, Т. Модели и структура рекламных текстов / Т. Шахлои // Форум молодых ученых. — 2018. — № 1 (17). — С. 1312–1317.
16. Шляхова, С. С. Поликодовый текст в диджитал-коммуникациях вуза: контент, графика, иллюстрации / С. С. Шляхова, А. Ю. Колесник // Медиалингвистика. — 2024. — № 11 (1). — С. 53–75.

Поступила в редакцию 21.08.2025 г.

O. A. Popova

**THE CORRELATION BETWEEN THE VERBAL AND NON-VERBAL COMPONENTS
IN THE STRUCTURE OF POLYCODE ADVERTISING TEXTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES**

This article presents the results of a study of polycode advertising messages of Russian universities. Three types of correlation between verbal and nonverbal components within a university's polycode advertising text were established: verbally dominant, interdependent, and complementary. It was found that the primary content of university advertising is conveyed verbally. The role of nonverbal components varies depending on the chosen correlation type, from complementary to equivalent.

Keywords: *advertising text, polycode text, polycode, verbal component of text, non-verbal component of text.*

Попова Ольга Алексеевна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Магистрант.

E-mail: popova.olga.volsu@mail.ru

Popova Olga Alekseevna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.
Undergraduate student.

E-mail: popova.olga.volsu@mail.ru

Сафонова Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Доцент кафедры русской филологии
и журналистики.

E-mail: ia.safonova@volsu.ru

Safonova Irina Aleksandrovna.

Candidate of Sciences (Philology).

Volgograd State University, Volgograd, RF.
Associate Professor of the Department

of Russian Philology and Journalism.

E-mail: ia.safonova@volsu.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'37:821

DOI: 10.5281/zenodo.18064096

E. B. Дедова© 2025

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Н. В. Гладкая)*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Настоящее исследование фокусируется на изучении семантических свойств коллоквиальной лексики в рамках публицистического дискурса. В работе анализируются процессы модификации значений разговорных лексем и выражений, а также их вклад в интенсификацию экспрессивности и конструирование авторской точки зрения. В ходе исследования выявлены закономерности применения разговорной лексики в различных типах медиа и оценено ее воздействие на процесс восприятия информации реципиентами. На основе проведенного анализа сформулированы заключения о функциональной нагрузке и стилистической значимости разговорных элементов в публицистическом тексте. Представленная работа опирается на теоретические положения современной лингвистики текста и дискурс-анализа и вносит вклад в понимание особенностей функционирования разговорной лексики в сфере массовой коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, жаргонизмы, разговорная лексика, СМИ.

Современный публицистический дискурс России отличается активным использованием разговорных элементов, которые делают язык средств массовой информации ближе к живому общению.

Публицистика выполняет не только информативную, но и воздействующую функцию, что требует эмоционально окрашенной, выразительной и доступной речи. Журналисты всё чаще используют разговорную лексику, чтобы добиться эффекта достоверности, неформальности и непосредственного контакта с читателем. Этот процесс связан с общими тенденциями демократизации языка, а также с влиянием интернет-коммуникации, где границы между письменной и устной речью размываются.

Разговорная лексика традиционно понимается как совокупность слов и выражений, характерных для неофициального устного общения. По определению Лингвистического энциклопедического словаря, просторечие (частный случай разговорного стилистического уровня) — это слова и обороты, не входящие в литературную норму речи; такие единицы иногда допускаются в художественных текстах и в разговорной речи для создания определённого стилистического колорита [7, с.83].

Разговорная лексика представляет собой широкий пласт словаря, который учёные подразделяют на несколько крупных групп в зависимости от происхождения и стилистической окраски. По классификации Ф. П. Филина, в разговорной сфере выделяются, в частности, следующие разновидности: фамильярная лексика (слова и обороты, уместные в речи «близких знакомых»), грубая лексика (антиэтические понятия, шокирующие высказывания), вульгарная и бранная лексика (оценивающие, табуированные единицы со значительно сниженной окраской) и нецензурная лексика (матерные, запрещённые в формальном общении слова) [11, с.63]. Эта классификация подчёркивает, что часть разговорного словаря носит негативно-оценочный или табуированный характер.

С другой стороны, Е. Ю. Фатюшина выделяла среди разговорной лексики более нейтральные группировки: жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, вульгаризмы, сленг, просторечия [10, с. 72]. Здесь жаргонизмы — это слова, употребляемые представителями определённых социальных групп (по интересам или месту проживания) для внутригрупповой коммуникации. Жаргонное слово зачастую представляет собой известный термин с новым смыслом, сохраняя «секретный» характер общения: когда жаргонизм становится понятен широкому кругу, он может перейти в разряд сленга. К профессиональным жаргонам (профессионализмам) относятся специальные термины или жаргонные названия, используемые в быту представителями одной профессии, часто в упрощённой или разговорной форме.

Диалектизмы — это региональные слова и формы, характерные для определённых территорий, которые журналисты используют главным образом для создания местного колорита или подчёркивания «простонародности» речи героев [6, с. 10]. Кроме того, часто говорят об арго (криминальном, наркотическом, компьютерном и др. сленге), о сленге интернет-сообществ и т. п., однако их семантический анализ выходит за рамки данной статьи.

Таким образом, разговорная лексика включает широкий спектр «сниженных» по стилистике единиц: от нейтрально-разговорных до непристойных и жаргонных. Все они отличаются большей экспрессивностью и эмоциональностью по сравнению с нейтральной общеупотребительной лексикой.

На стилистику речи влияет и их цензурный статус: например, слова просторечия могут передавать оттенки нелитературной прямоты, сниженности или фольклорности; жаргонизмы несут информацию о социальном слое, к которому принадлежит говорящий; фамильярные обороты устанавливают интимную связь между собеседниками [5, с. 23]. Во всех случаях говорящий полагается на эмоциональную и оценочную функцию таких слов, что подчёркивает прагматический характер публичного дискурса.

С точки зрения функционально-стилевой лингвистики, публицистический стиль (газетно-публицистический) сочетает две главные функции: информативную (оперативная передача новостей) и экспрессивно-воздействующую (выражение позиции автора, оценка событий). По словам Л. И. Баранниковой, информационная функция языка газеты «изначально направлена на оперативное сообщение о фактах», тогда как воздействующая проявляется через оценочные высказывания и образные средства [1, с. 35].

С. Г. Корконосенко подчёркивал, что газетная речь нацелена прежде всего на «голое сообщение» фактов [4, с. 93]. Тем не менее воздействующая функция требует от журналиста и выразительности, что реализуется в том числе через разговорные элементы языка. Именно разговорная лексика привлекает публицистику своей выразительностью: конструкции живой речи, как правило, сжаты, лаконичны, демократичны и доступны широкому кругу читателей. По мере увеличения авторского присутствия в тексте усиливается тенденция заимствовать «свежие» нелитературные слова и обороты (в том числе из разговорной речи) для привлечения внимания читателя [7, с. 3]. Таким образом, теория стилевого поля показывает, что публицистический дискурс исторически открыт ко всем пластам языка, включая разговорный субстандарт, ради достижения коммуникативных целей.

Современные российские СМИ (газеты, журналы, интернет-издания) широко привлекают разговорную лексику в силу её коммуникативной эффективности. Особо заметно это в онлайн-медиа, где журналисты стремятся оперативно реагировать на события и говорить «с языком времени» [4, с. 90]. Как показывает статистический анализ заголовков ведущих интернет-изданий, субстандартная лексика активно присутствует в новостных текстах.

Например, интернет-газеты охотно используют «городское просторечие» — слова, придающие заголовкам неофициальный оттенок. Условная дифференциация заголовков варьируется от простонародно-разговорных до жаргонных конструкций. На практике это означает следующее:

1. Заголовки и лиды статей нередко содержат разговорные слова для мгновенного привлечения внимания. Например, заголовок может содержать слово «жесть» или «впилить» вместо формального описания явления. Такие яркие эпитеты сразу создают эмоциональный фон: читатель интуитивно понимает, что речь идёт о шокирующем или обсуждаемом событии. При этом коннотативный оттенок «живости речи» даёт дополнительный импульс воздействию (печать «резкости» или «дружеской откровенности»).

2. Прямые цитаты и высказывания героев публикуются со всеми элементами живой речи. Когда журналисты приводят слова собеседника, они часто оставляют в цитате просторечные и жаргонные обороты (включая просторечные частицы, эмоциональные междометия, даже смайлы при онлайн-комментариях). Например, в интернет-новости про погоду был приведён пользовательский прогноз: «*Атмосферный фронт проходит город. И опять по-сухому :(Сразу начало холодать...*». Здесь сочетание разговорной конструкции «*по-сухому*» и даже эмотикона «*:(*» придаёт сообщению оттенок неформальности и эмоциональности, который никак не воспроизвести нейтральным языком. Эмоционально-оценочные слова и образные обороты.

Публицистика активно использует сниженные по стилистике слова, чтобы выразить авторскую или массовую оценку: «*что-то мутное*», «*свалить всё на...*», «*по полной замесили*» и т. п. Такие выражения придают высказыванию популярный колорит и часто сопровождают авторские комментарии. Журналисты подчёркивают своим языком своё «я» и позицию, и именно разговорные фразеологизмы или неологизмы помогают сделать оценку живой и запоминающейся.

3. Обращения к читателю. Часто публицистика внедряет в текст формы обращения, присущие устной речи («*Ну что, друзья*», «*Как вы думаете*»), вплоть до вопросно обращёнческих конструкций. Это способствует созданию эффекта «разговора» с аудиторией (вариант коммуникативного приёма парантеза или риторической коммуникации). В современном интернете распространены заголовки с обращениями («*Смотрите, какие сюрпризы готовит погода!*»), которые по форме ближе к устному стилю и направлены на привлечение внимания аудитории.

Таким образом, анализ газетно-публицистических текстов показывает систематическое применение элементов разговорного стиля для решения журналистских задач: сделать сообщение ярким, понятным и максимально вовлекающим. Разговорная лексика при этом может выступать в разных ролях — эпитетов, называний, оценок, междометий — но всегда сохраняет семантическую «разговорность» и экспрессию.

Современные медийные тексты часто смешивают книжный и разговорный пласт: например, после официального вступления может следовать неформальный комментарий, или наоборот, цитата из живой речи дополняет статистические факты. Как отмечают исследователи, такие смешения стилей ведут к размыванию границ между функциональными стилями и «снижению стиля речи» [2, с. 78]. В результате русский публицистический язык становится более «народным», но вместе с тем изменяется семантика многих слов и появляются новые нетрадиционные значения и употребления.

Так, в статье РИА Новости (2020 г.) один из героев говорит: «*Я обычный деревенский парень... а тут — чувак в фуфайке*». Слово «чувак» придает повествованию неформальный оттенок и помогает создать образ простого, искреннего человека.

Аналогичный прием наблюдается в материале «Московского комсомольца» (2025 г.): «Этот хулиган постоянно что-то ворует, — смеётся Кирилл. — То шапку стащил, то телефон утащил». Глаголы «сташить», «утащить» и существительное «хулиган» демонстрируют бытовой характер речи и вызывают улыбку у читателя.

Интернет-журналистика усилила тенденцию к разговорности. В заголовках онлайн-СМИ регулярно встречаются разговорные выражения: «Депутат отжёг в прямом эфире», «Россияне в шоке от новых тарифов», «Пенсионерка дала отпор мошеннику». Подобные заголовки не только информируют, но и эмоционально вовлекают читателя, используя жаргонные и экспрессивные слова («отжёг», «в шоке», «дал отпор»).

Таким образом, разговорная лексика в современном медиадискурсе выполняет несколько функций: эмоционально-оценочную, воздействующую, экспрессивную и прагматическую. Она помогает автору установить контакт с аудиторией, придать тексту динамику и сделать сообщение запоминающимся [3, с. 45].

В публицистическом дискурсе разговорная лексика выполняет важные коммуникативные функции. Она придает текстам экспрессивность и эффект непосредственного общения, облегчает контакт с широкой аудиторией и усиливает идеологическую воздействие автора. Находясь в теле информационно-оценочного высказывания, разговорные слова и обороты могут замещать более формальные конструкции, добавляя колорита и авторской интонации. Одновременно такое использование меняет семантическую «посадку» публицистики: происходит детабурирование языка, «американизация» лексики, рост авторских окказионализмов.

Обзор и анализ показали, что основные типы разговорной лексики — просторечие, жаргон, диалектизмы, фамильярная и бранная речь — присутствуют в современных СМИ в различных жанрах (интервью, репортаж, комментарий, заголовок и др.). В публицистических текстах они чаще всего связаны с эмоциональной или субъективной частью сообщения: например, жаргонизмы и просторечия — с призывами и оценками, диалектизмы — с этнографическим описанием, фамильяризмы — с описанием неформальных ситуаций. При этом журналистский язык остается смешанным: даже в новостях строгого формата могут неожиданно встречаться разговорные метафоры или цитаты.

Таким образом, функционально-семантическая особенность разговорной лексики в российской публицистике заключается в ее двупланной роли: с одной стороны, она вносит в текст неофициальный стиль, близкий к устной речи, а с другой — служит средством экспрессии и оценки. Совокупность этих черт делает разговорный пласт незаменимым в современных СМИ, несмотря на противоречивость его влияния (с одной стороны, оживляя речь, с другой — стремясь к «продвижению» новых, иногда спорных смыслов). Выявленные закономерности указывают на то, что дальнейшее изучение подобных явлений — например, изменение семантики в результате «оживления» публицистики разговорной лексикой — представляет большой интерес для филологов и журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова, Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка / Л. И. Баранникова // Язык и общество. — 2018. — № 5. — С. 7-9.
2. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие / А. В. Колесниченко. — Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 2022. — 180 с.
3. Коняхина, О. В. Контекстуально обусловленные лексические средства негативной характеристики человека / О. В. Коняхина. — Москва: Прогресс, 2024. — 206 с.
4. Корконосенко, С. Г. Основы творческой деятельности журналиста: учеб. / С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, СПб ИВЭСЭП, 2010. — 272 с.
5. Костомаров, В. Г. Тенденции развития современного русского языка / В. Г. Костомаров // Русская языковая школа. — 2020. — № 6. — С. 89-312.

6. Крысин, Л. П. Просторечие / Л. П. Крысин. — Москва: Наука, 2018. — 207 с.
7. Радбиль, Т. Б., Маринова, Е. В., Рацибурская, Л. В. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Издательство Национального исследовательского Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского, 2024. — 325 с.
8. Распопова, Т. А. Некодифицированная социально-оценочная лексика и ее использование в русском языке 80-90-х гг. ХХ в. АКД / Т. А. Распопова. — Орел: Высш. шк., 2019. — 278 с.
9. Распопова, Т.А. Просторечные лексико-стилистические средства: принципы и приемы их использования / Т. А. Распопова // Структурно-семантический анализ единиц языка и речи: межвуз. сб. науч. тр. — Тула, 2017. — С. 44-49.
10. Фатюшина, Е. Ю., Семина, О. Ю. Зоонимические метафоры со значением отрицательной оценки человека в речи билингвов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — №12. — С. 156-159.
11. Филин, Ф. П. О структуре современного русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. — 2023. — № 2. — С. 3-12.

Поступила в редакцию 16.09.2025 г.

E. V. Dedova

SEMANTIC FEATURES OF COLLOQUIAL VOCABULARY IN JOURNALISTIC DISCOURSE

This study focuses on the semantic properties of colloquial vocabulary within journalistic discourse. It analyzes the processes of modification of the meanings of colloquial lexemes and expressions, as well as their contribution to the intensification of expressiveness and the construction of the author's point of view. The study identified patterns in the use of colloquial vocabulary in various types of media and assessed its impact on recipients' perception of information. Based on the analysis, conclusions were drawn regarding the functional load and stylistic significance of colloquial elements in journalistic texts. This study draws on the theoretical principles of modern text linguistics and discourse analysis and contributes to a better understanding of the functioning of colloquial vocabulary in mass communication.

Key words: *discourse, journalism, slang, colloquial vocabulary, media.*

Дедова Елена Витальевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: leNa186hhivc@yandex.ru.

Dedova Elena Vitalievna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: leNa186hhivc@yandex.ru.

Гладкая Наталья Витальевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Natalia Vitaliivna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

УДК 81'112

DOI: 10.5281/zenodo.18064147

T. B. Зуева © 2025

*Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Научн. рук. — д-р пед. наук Е. Н. Стрельчук)*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДОНБАССЕ

Статья посвящена исследованию истории формирования языковой и культурной среды Донбасса, подчеркивая ключевые этапы развития региона начиная с XVII века и заканчивая современностью. Рассматриваются факторы, влияющие на формирование билингвизма и появление региональных особенностей в фонетике, грамматике и лексике местного диалекта. Особое внимание уделяется роли русского языка как основного средства коммуникации и фактора идентификации населения Донбасса.

Статья подробно описывает процессы украинизации и русификации, происходившие в регионе в разные периоды, а также последствия этих процессов для повседневной жизни и культурного наследия региона.

Ключевые слова: Донбасс, русский язык, языковая политика, культурная идентичность, украинизация, русификация, образование, политические изменения.

Донбасс имеет сложную языковую и культурную историю, формировавшуюся под воздействием различных факторов на протяжении веков. Русский язык, как один из основных языков данного региона, играет значительную роль в социальной, культурной и политической жизни Донбасса.

Многочисленные набеги монголо-татар превращали территорию будущего Донбасса вдижную местность южных степей Приазовья вплоть до XVII века. «Поэтому история её наиболее активного освоения насчитывает лишь 2,5 столетия, однако бурные исторические, политические и экономические события этого периода сформировали на этой территории общность людей с уникальной ментальностью, специфической территориальной самоидентификацией и многообразием культур, что в свою очередь определило характерные тенденции социodemографического развития данного региона» [6, с. 164].

«В первой половине XVII века территории современного Донбасса начали осваиваться запорожским и донским казачеством» [7, с. 15–17]. Вторая половина этого столетия ознаменовалась ещё более интенсивным процессом колонизации. На данный процесс оказали влияние несколько факторов, среди которых ключевую роль сыграл военно-политический договор, заключённый Богданом Хмельницким в 1654 году. Согласно этому соглашению, Левобережная Украина и Запорожье стали частью Российского государства. Причиной массовых переселений было открытие нового солевого промысла в Донецких степях.

Со второй половины XIV века царское правительство открывает доступ к землям Донбасса православному населению. Активное заселение происходит сербами, хорватами, черногорцами, болгарами, волохами и армянами в пределах треугольника рек Бахмут-Лугань-Северский Донец. В Приазовье прибывают греки, которые основывают побережье Азовского моря и Кальмиуса.

«В конце XVII в. в междуречье Кальмиуса и Грузского Еланчика (территория современного Новоазовского района) основали колонии прусские, баденские и саксонские немцы. Немецкая колонизация этого района, осуществлявшаяся в несколько этапов, продолжалась до конца XIX в. В 1882 году здесь проживало более 6 тыс. немцев. Во второй половине XVII в. на Северском Донце возникли новые поселения украинских и русских крестьян, бежавших от крепостников. К концу XVII в. на территории нынешнего Донбасса насчитывалось более 200 тыс. человек, представлявших около 40 этнических групп.» [5, с. 25].

С середины XVIII века в Донбассе начинается заселение помещиками. Русские помещики, чиновники, офицеры и казацкая старшина получают от царского правительства огромные участки земли, исчисляемые сотнями тысяч гектаров. Параллельно происходит и стихийное освоение региона крестьянами-беглецами из России и Украины. В результате преследований на восток области мигрируют тысячи русских старообрядцев, которые основывают поселение Ольховатка, что способствует увеличению населения данной территории.

Донбасс начал активно заселяться с момента промышленной колонизации. Быстрый рост донецкой промышленности, особенно во второй половине XIX века, усугубил проблему нехватки рабочей силы. Это привело к тому, что города Донбасса в основном становились русскоязычными, тогда как в сельской местности чаще всего сохранялся украинский язык. При этом взаимодействие между украинцами и шахтерами было далеко не простым.

«Первая перепись населения была произведена в 1897 году. Она показала, что на территории нынешнего Донбасса проживает 45 народов. Самые многочисленные из них были малороссы 52,97 % и великороссы — 40,81 %. Следует учитывать, что язык общения был русский» [5, с. 26].

Донбасс был впервые выделен в качестве отдельной административной единицы 1 февраля 1919 года, объединив два уезда Екатеринославской губернии: Бахмутский и Славяносербский. В 20-е и 30-е годы XX века Донбасс стал центром самой масштабной миграции в Украине за всю ее историю.

27 июля 1923 года Совнарком УССР издал декрет «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений». 1 августа того же года ВУЦИК совместно с Совнаркомом УССР опубликовали постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и содействия развитию украинского языка». В то же время в Донбассе осуществлялась украинизация, в результате которой в период 1923–1924 годов было украинизировано примерно 648 школ. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено.

После периода украинизации Донбасса в 1930-х годах наступил этап русификации. В условиях официального языкового равенства в образовательной системе русский язык стал пользоваться большим спросом и распространением, хотя интерес к украинскому языку сохранялся, особенно в сельской местности. В этих районах количество школ с обучением на русском и украинском языках было примерно одинаковым. Однако к концу 80-х годов сельское население Донецкой области составляло лишь 10 % всей численности, что указывало на значительное преобладание русского языка в системе образования.

1950-е годы ознаменовались новым этапом интенсивного роста населения, обусловленным переселением рабочих в Донбасс в связи со строительством шахт. С 1946 по 1958 год численность населения региона увеличилась на 2,2 миллиона человек.

Согласно переписи 1970 года, общее количество населения Донецкой области, включая городских и сельских жителей, составило 4 891 979 человек. Наиболее многочисленные этнические группы предпочитают русский язык в качестве родного. Важно отметить, что 2 945 825 человек, что составляет 60,21 % от общего числа жителей области, считают русский язык своим родным.

В 1989 году численность жителей, считавших русский язык родным, увеличивается почти на 8 % и составляет 67,7 %. А в 1991 году на нём обучались 96,7 % школьников. В то же время среди тех, кто считал украинский язык родным, доля составляла около 30 %, но на украинском языке училось лишь 3,3 % учащихся в 1991 году.

Вследствие проводимой во времена СССР русификации Украины доля украиноязычных в населении резко уменьшалась, а доля русскоязычных — возрастила.

«После распада СССР языковая политика украинских властей в 1992–2004 гг. последовательно была направлена на закрытие русскоязычных школ, сокращение тиражей литературы и прессы на русском языке, сворачивание русскоязычного телевещания и сегмента интернет-пространства» [3, с. 60].

Тенденция украинизации населения Донбасса продолжалась с 1992 года вплоть до 2014 года. «Языковая политика Украины была направлена на сокращение русскоязычных образовательных учреждений, перевод СМИ на украинский язык. Задача украинских властей заключалась в построении этнически однородной нации, что может быть обеспечено только при дискриминации языков иных народов страны, прежде всего — русского языка, который остаётся языком науки, бизнеса и повседневного общения, языком межэтнического общения» [3, с. 60]. Однако русский язык всегда был доминантным языком на территории Донбасса, что в следствие привело к политическим разногласиям и государственному перевороту.

На территории Донбасса в период 1992–2014 года существовало два вида учебных заведений: русскоязычные и украиноязычные. Предпочтение отдавалось украиноязычным, они считались более престижными из-за языковой политики страны.

В образовательных учреждениях велись занятия на украинском языке, русскому языку и литературе удавался один академический час в неделю. Несмотря на агрессивную пропаганду украинского языка люди в большей степени продолжали разговаривать на русском языке и считать его родным.

За период украинизации существенно снижается количество русскоязычных учреждений, телевидение и другие СМИ переходят на украинский язык.

Из-за сильной языковой интерференции нарушились «языковые нормы» [4, с. 14] в речи жителей данного региона. У. Вайнрайх отмечал, что проблема двуязычия «следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах; и в случае неудачи результат один и тот же: вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой» [2, с. 25].

Одна из самых ярких особенностей донбасского говора проявляется в фонетической системе.

Выделим основные особенности фонетической системы региона.

В области гласных:

- 1) сильное аканье, связанное с неразличением гласных /a/ и /o/ в безударных слогах: **вада, нага**;
- 2) иканье, при котором произношение /и/ на месте безударных /э/, /о/ и /а/: **рика, ниси**;
- 3) яканье, произношение /а/ на месте гласных /э/, /о/ и /а/ в первом предударном слоге после мягких согласных: **п'атак, н'асу**.

В области согласных:

- 1) гэканье — произношение /г/ в начале слова как украинский фарингальный /Г/. Связано это с тем, что в украинском языке существуют два разных по произношению звука «г» — /f/ и «г» — /g/: **горат**;
- 2) наличие фрикативного /г/ в конце слова: **нага — нох**;
- 3) депалатализация губных в абсолютном конце слова: **кроф/кроу, л'убоф/лубоў** [Теркулов, с. 33];
- 4) оглушение /в/ в звук /ф/: **дамоф, здароф**.

Данные фонетические ошибки обусловлены влиянием украинской фонетической системы на русскую.

Стоит упомянуть ошибки, допускаемые в постановке ударений.

1) большое количество ошибок допускается жителями в глаголах прошедшего времени вместо нормативного ударения на окончании -а: **налила, брала, звала** и т. д. делается ударение на основе слова: **налила, брала, звала**, что соответствует норме украинского языка.

2) жители Донбасса ставят ударения на первый слог, при наличии в нём «я»: **«тЯнуть», «лЯгушка»**.

3) происходит наложение ударения с украинского слова на русское, например, люди с Донецка скажут: **«подошвА», вместо «подоШва»**.

«Следует сказать о произношении слова «что». По аналогии с украинским «що» в Донбассе говорят [шо] вместо литературной нормы [што], неправильно произносятся и производные от него слова [ш]обы, [ш]о-то вместо [ш]тобы, [ш]то-то» [1, с. 14].

Дончане часто произносят «нашо» (зачем), «отэтот» (этот), «также само» (то же самое).

Донецкая фонетическая система сформировалась в результате двух языков: украинского и русского. В речи жителей Донбасса ярко выражены следующие черты южнорусских говоров:

1. «неразличение гласных неверхнего подъёма во всех безударных позициях как после твёрдых, так и после мягких согласных;
2. наличие фрикативного [χ], переходящего в [x] в конце слова и перед глухим согласным» [5, с. 33].

Самыми ярко выраженными чертами украинской фонетической системы являются:

1. произношение украинского фарингального [g];
2. депалатализация [ɸ] в конце слова.

Морфологические ошибки связаны с влиянием украинского языка и русского просторечия.

Дончане допускают морфологические ошибки в образовании глаголов:

- 1) в прошедшем времени: он ошибился (он ошибся), это связано с тем, что в переводе на украинский язык это будет звучать так «він помилився».
- 2) в будущем времени: я поспрашую (я поспрашиваю), это также связано с тем, что на украинском это будет звучать как «я розпитую».
- 3) в настоящем времени: он вытягивает (он вытягивает).
- 4) добавление постфиксa -ся: купаюсь — купаю-ся, готовлюсь — готовлю-ся. Объяснить такое добавление постфиксa -ся можно южнорусским просторечием. Однако это не так. В речи донбассовцев постфикс -ся носит интерферентный характер, а связан он с тем, что в глаголах настоящего времени в украинском языке добавляется окончание -ся.
- 5) «изменение парадигмы, обусловленное изменением тематического суффикса; например, глагол ездить (4 класс, 2 спряжение) получает в формах настоящего времени наращение j (по образцу гнить — гнијут), которое переводит его в 1 класс, | спряжение: ездиете, ездиют (вм. ездите, ездят — 4 класс, 2 спряжение); Сюда же следует отнести закатить рукава (4 класс, 2 спряжение) вм. закатать (1 класс, 1 спряжение), ослабнуть (3 класс, 1 спряжение) вм. ослабеть (1 класс, 1 спряжение), растянуть (3 класс, 1 спряжение) вм. растягивать (1 класс, 1 спряжение) и т. д» [5, с. 59].

Донбассовцы допускают большое количество синтаксических ошибок, преимущественно в употреблении предлогов. Проанализируем эти ошибки:

- 1) «Употребление конструкции «за + винительный падеж» вместо «о + предложный падеж» в предложно-падежных конструкциях с глаголами речи и интеллектуального действия забыть, помнить, говорить, рассказывать, читать, вспоминать и под.: забыла за обувь, забыл за договор, говорить за соседей (вм. говорить о соседях), рассказывать за поездку (вм. рассказывать о поездке), читала за погоду (вм. читала про погоду) и т. д. «идти до друга» вместо «идти к другу», в украинском языке скажут «йти до друга» [5, с. 62].
- 2) «Употребление конструкции «за + творительный падеж» вместо «по + предложный падеж в сочетании с глаголом скучать: скучаю за тобой (скучаю по тебе), соскучилась за вами (соскучилась по вас)» [5, с. 62].
- 3) Использование вместо предлога **к** украинского предлога **до**: Мы поехали до кумы (к куме).
- 4) смешение синонимичных предлогов «с» и «из», например «гости с Донецка» (гости из Донецка), в украинском языке это будет звучать «гості з Донецька».
- 5) Использование предлога «на» вместо «в»: я живу на Донбассе (я живу в Донбассе)

6) Использование предлога «**с**» вместо «**из**»: я уезжал с Донбасса (я уезжал из Донбасса)

Такой выбор предлогов связан с неразличением русского предлога от украинского.

Менее распространены ошибки в лексике.

В основном, их допускают люди старшего поколения, так как у них образование велось преимущественно на украинском языке. «Русские слова в большинстве случаев получают украинское фонетическое оформление: фарингальный звук г, отсутствие качественной редукции гласных в безударной позиции, звук і в закрытом слоге на месте этимологических е, о» [8, с. 245]. Например, «деньги» будут звучать как «деньги», вместо украинского слова «гроши», слово «заважати» (мешать) будет произноситься как «мішати», вместо «згоден» (согласен), дончане произнесли бы «согласен».

Из данных примеров, мы видим, что происходит наложение украинских слов, с их фонетическим оформлением на русские слова.

Ситуация после 2014 года кардинально меняется. После государственного переворота и провозглашения ДНР и ЛНР русский язык вновь становится государственным языком на территории Донбасса. Однако украинский язык не сразу исчезает из образовательных учреждений, ему уделяется один академический час в неделю. В 2014 году школы ДНР и ЛНР начинают получать российские учебники и переходить на российскую систему образования. После 2018 года украинский язык полностью исчезает из учебных учреждений ДНР и ЛНР. По телевидению начинают транслироваться русские программы, средство массовой информации полностью переходит на русский язык.

Историческое развитие Донбасса представляет собой сложную картину языковых и культурных трансформаций, обусловленных множеством факторов, включая миграцию, экономические и политические события. Русский язык занимает центральное место в социальной и культурной жизни региона, будучи важной составной частью идентичности местных жителей.

Несмотря на усилия по украинизации в XX веке, русский язык оставался преобладающим в образовательной системе и повседневном общении, что оказало значительное влияние на менталитет населения. В период с 1992 по 2014 гг. наблюдалось усиление украинизации, однако русский язык продолжал сохранять свое преимущество в жизнедеятельности региона.

После 2014 года ситуация изменилась: в условиях управления ДНР и ЛНР русский язык вновь стал официальным, а украинский исчезает из образовательных учреждений и средств массовой информации.

Это подтверждает стойкость русской языковой культуры в Донбассе, которая, несмотря на изменения политической языковой политики, продолжает формировать идентичность региона.

Таким образом, история развития Донбасса демонстрирует сложный и многослойный процесс формирования национальной и культурной идентичности, включающей элементы влияния множества этносов и языков. Русский язык играет важную роль в социальной, культурной и политической жизни региона, сохраняя устойчивые позиции вопреки изменениям официальной языковой политики. Исследование выявляет уникальную особенность донецкого говора, проявляющуюся в смешении элементов русского и украинского языков, что формирует особый тип регионального билингвизма. Несмотря на исторически обусловленную тенденцию перехода к единству в языковом пространстве, современный Донбасс сохраняет важные следы своего исторического прошлого через региональные особенности речи и традиционные формы общения. Эти факты подтверждают важность сохранения и изучения уникального культурного наследия Донбасса, а также необходимость учета

разнообразия региональных языков и диалектов в формировании национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белькова, Т. А. Суржик в речи жителей Донбасса // Языки Донбасса: история, современное состояние, перспективы развития. — Донецк, 2019.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие// Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. — М., 1972.
3. Костенко, Ю. В. Языковая политика Украины на юге и востоке страны как метод этнократии / Ю. В. Костенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2020. — № 4(65). — С. 58–65.
4. Стрельчук Е. Н. Культура речи: анализ терминов и понятий // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, № 1 — М., 2012.
5. Теркулов, В. И. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К. В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. — Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. — С.265.
6. Яковлева, Ю. К. Особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов в Донбассе / Ю. К. Яковлева, И. А. Оносова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 8(183). — С. 164–169.
7. Пірко В. О. Заселення Донеччини у ХVI — ХУШ ст. (короткий історичний нарис 1 уривки з джерел) / В. О. Шрко. — Донецьк : Східний видавничий дім, 2003. — 180 с.
8. Nazarenko, Lilija Український суржик — социолект, просторечие, пиджин? К вопросу о языковой ситуации на Украине//Slavica litteraria. — Прага, 2012.

Поступила в редакцию 20.09.2025 г.

T. V. Zueva

FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN DONBASS

The article is devoted to the study of the history of formation of the linguistic and cultural environment of Donbas, highlighting key stages in the development of the region from the 17th century until modern times. It examines factors influencing the emergence of bilingualism and regional peculiarities in phonetics, grammar, and vocabulary of the local dialect. Special attention is given to the role of Russian as the main means of communication and a factor in identifying the population of Donbas. The article provides an extensive description of processes of Ukrainization and Russification that took place in different periods, along with their consequences for everyday life and cultural heritage of the region.

Key words: *Donbass, Russian language, language policy, cultural identity, Ukrainization, Russification, education, political changes.*

Зуева Таисия Витальевна.

Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, г. Москва, РФ.

Студент.

E-mail: nlee1885@gmail.com

Стрельчук Елена Николаевна.

Доктор педагогических наук.
Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, г. Москва, РФ.
Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: strelchukl@mail.ru

Zueva Taisiya Vitalievna.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, RF.

Student.

E-mail: nlee1885@gmail.com

Strelchuk Elena Nikolaevna.

Doctor of Pedagogical Sciences.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, RF.
Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching methods.
E-mail: strelchukl@mail.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18069222

M. A. Бутурлимова ©2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АББРЕВИАТУР — ВОЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Приводится на лексико-семантической классификации сложносокращенных военных наименований. Было выделено 343 единицы, относящихся к военному делу, в составе 20 аббревиатурных групп: *авиа, арм, арт, бриг, бое, броне, взрыво, воен, гвард, див, ком, мин, моб, оборон, развед, спец, сух, укреп, хим*. Для описываемых единиц нами предложена тематическая классификация аббревиатур, включающая 11 позиций: 1) субъектно-объектные боевые действия; 2) субъектно-субъектные боевые действия; 3) должность или роль; 4) боеприпасы, техника, авиация и вспомогательные средства; 5) объединения военных; 6) военные мероприятия и реквизит; 7) военные учреждения; 8) военные институции; 9) военные локации; 10) характеристики; 11) военные отрасли.

Ключевые слова: *сложносокращенное слово, лексико-семантическая группа, военное наименование, тематическая группа, аббревиатурная группа.*

Цель исследования — представить лексико-семантическую классификацию сложносокращенных военных наименований. Цель достигается посредством выполнения следующих задач: 1) определения сложносокращенного слова и аббревиатурно-ономасиологического поля; 2) описания лексико-семантической группы как компонента аббревиатурно-ономасиологического поля; 3) лексико-семантического анализа военных наименований. Актуальность исследования определяется необходимостью лексико-семантической оценки описываемых в пределах аббревиатурных групп в «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка» лексем.

Под сложносокращенным словом понимается «нарицательная лексема, связанная мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающая в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом» [3, с. 104].

Аббревиатура является продуктивным способом словообразования в современном русском языке. Свидетельством такой продуктивности могут служить: частотность использования аббревиатур; возникновение новых словарей сокращений; межстилевой характер современных сокращений; вариантность как показатель динамики развития аббревиатурного словообразования; словообразовательная активность аббревиатурных слов.

Нами отмечается необходимость последовательного разграничения диахронного и синхронного подхода к анализу аббревиатурной лексики. В рамках нашего исследования приоритетным направлением является рассмотрение ССС именно с позиций синхронии. Данный факт связан с тем, что именно на базе такого анализа можно проследить особенности функционирования аббревиатуры в современном русском языке, установить характер мотивационных отношений между такой единицей и эквивалентными ей развернутыми наименованиями (словосочетаниями).

Сложносокращённая единица может обладать целой системой текстовых

эквивалентов, характеризующихся семантическими различиями, которые продуцируют различную трактовку аббревиатуры в целом [1, с. 72].

Аббревиатурно-ономасиологическое поле (далее — АОП) — это объединение ССС, которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний. На основании этих особенностей выделяется группа лексем, именуемая нами как АОП. В названии отражаются основные характеристики этого объединения единиц языка. С одной стороны, обозначен ономасиологический подход к изучению явлений аббревиации, а с другой — обозначена полевая организация материала.

Исследование единиц, принадлежащих к одному АОП, требует описания того, как формируется ономасиологическая структура их значений. Представление об ономасиологической структуре отмечается в работах многих исследователей (М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова и др.).

По мнению В. И. Теркулова, классификация ономасиологических классов композитов включает в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса, при этом отмечаются только субстантивные и атрибутивные номинатемы.;

б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда с указанием общеязыковой лексико-семантической группы, в которую входит данная ЛСГОЕ, построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая «ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования [3, с. 110].

Среди сложносокращенных слов военные наименования выделяются нами в рамках аббревиатурных групп — таких объединений, в пределах каждого из которых аббревиатуры имеют одинаковый сокращенный компонент — например, *авиа* или *воен* [2, с. 159].

Нами выделено **343** сложносокращенных слова, относящихся к военному делу, в составе **20** аббревиатурных групп:

1) авиа (48): авиаатака, авиабитва, авиабой, авиаомбомба, авиаомбардировка, авиабригада, авиаоружение, авиаагарнизон, авиаогоспиталь, авиагруппа, авиаагруппировка, авиаадесант, авиаадесантирование, авиаадивизия, авиакорпус, авиаакрейсер, авиаамина, авиааводчик, авиааналет, авиаанападение, авиаобстрел, авиаоружие, авиаотряд, авиаохрана, авиаапарад, авиаатрулирование, авиаатруль, авиааподдержка, авиаподразделение, авиааполигон, авиааполигон, авиааполк, авиаапулемет, авиаапушка, авиаракета, авиаракетостроение, авиарейд, авиаслужба, авиаэрнайд, авиаэржение, авиаэраран, авиаэрорпеда, авиаудар, авиаформирование, авиахимбомба, авиачасть, авиаэскадра, авиаэскадрилья;

2) арм (8): армврач, арминженер, армидендант, армиском, армкомитет, армветврач, армвоенюрист, армревком;

3) арт (56): артатака, артбаза, артбат, артбригада, артвзвод, артвилка, артвойска, артвооружение, артгнездо, артгруппа, артдив, артдивизион, артдивизия, арткомпас, арткорректировка, арткорректировщик, артлинейка, артмашина, артмина, артмузей, артнаб, артнаводка, артнаводчик, артналет, артоборона, артобстрел, артогонь, артполигон, артпарк, артподготовка, артподразделение, артполк, артпорох, артприм, артприслуга, артприцел, артразведка, артсистема, артсклад, артснаб, артснабжение, артснаряд, артстрельба, арттаблица, арттревога, арттрубка, артудар, артустановка, артуч, артчасть, артикола, артишит, артэлектрик, артэмблема, артнабпункт, артхимснаряд;

4) бриг (4): бригврач, бригинженер, бригкомиссар, бригвоенюрист;

5) бое (12): боеголовка, боезапас, боезаряд, боекомплект, боемашина, боеподготовка, боепитание, боеприпасы, боерайон, боеспособность, боестолкновение, боечасток;

6) броне (23): бронеавтомобиль, бронеамфибия, бронегрузовик, бронегруппа, бронеджип, бронедивизион, бронежилет, бронекавалерия, бронекаска, бронекатер, бронеколпак, бронеколонна, бронекоробка, бронекорсет, бронелист, бронемашина, бронеодежда, бронепоезд, бронеотряд, бронеснаряд, бронешлем, бронетехника, бронетанк;

7) взрыво (8): взрываграната, взрывагенератор, взрывакет, взрывпром, взрывработы, взрывсклад, взрывснаряд, взрывустройство;

8) воен (46): военакадемия, военачальник, военбатальон, военбилет, военбюджет, военвед, военврач, военвуз, военгородок, военгоспиталь, воендело, воен завод, воензаказзнак, военипотека, военкафедра, военком, военкомат, военкор, военлет, военлит, военмед, военмор, военмост, военотряд, военпенсия, военполиция, военпред, военпром, военрук, военсборы, военсклад, военсовет, военспец, военстрой, военсуд, воентехник, воентехника, военторг, военучет, военучилище, военфельдшер, военформа, военхроника, военчасть, военюрист, военморфлот;

9) гвард (1): гварддивизия;

10) див (5): дивврач, дивинженер, дивинтендант, дивкладбище, дивкомиссар;

11) ком (13): командарм, комбат, комбриг, комвзвода, комвойск, комдив, комкор, комроты, комотдел, комфлота, комсостав, компункт, комцентр;

12) мин (6): минполк, минрота, минбатарея, минбригада, минвзвод, миндивизион;

13) моб (12): мобготовность, мобзадание, мобмоиности, моборганы, моботдел, мобплан, мобподготовка, побпотенциал, мобпредписание, мобпункт, мобработка, мобрезерв, мобресурс;

14) оборон (4): оборонзавод, оборонзаказ, оборонкомплекс, оборонпредприятие;

15) погран (16): погранвойска, погрангарнизон, погранзастава, погранкатер, пограннаряд, погранокруг, погранотряд, погранохрана, погранпереход, погранполиция, погранпост, погранпункт, погранрежим, погранслужба, погрансоединение, погрануправление;

16) развед (41): разведбатальон (разведбат), разведвзвод, разведгруппа, разведданные, разведдеятельность, разведдивизион, разведдозор, разведдоклад, разведдонесение, развединформация, разведкомпания, разведкорабль, разведматериалы, разведоборудование, разведорган, разведотдел, разведотделение, разведотряд, разведпоиск, разведполёт, разведпост, разведпункт, разведработка, разведрайон, разведсамолёт, разведсведения, разведсводка, разведсистема, разведслужба, разведсообщество, разведспутник, разведсудно, разведтанк, разведтехнология, разведупр, разведуправление, разведучасток, разведфронт, разведцентр, разведшкола;

17) спец (12): спецавиация, спецбригада, спецвойска, спецвооружение, спецконвой, спецслужбы, спецотряд, спецпаёк, спецподразделение, спецполк, спецоперация;

18) сух (1): сухпаек (сухпай);

19) укреп (2): укрепрайон, укрепсооружение;

20) хим (7): химатака, химбомба, химвойна, химвойска, химоружие, химслужба, химснаряд.

Поскольку выборка материала осуществлялась по семасиологическому критерию, представляется необходимым привести тематическую классификацию отобранных для анализа аббревиатур. Потребность в такой рубрикации обосновывается также широким семантическим спектром анализируемых номинативных единиц.

Тематическая классификация предполагает

1) субъектно-объектные боевые действия: авиаатака, авиабомбардировка, авиааналет, авиаанападение, авиаобстрел, химатака, химвойна, артатака, артобстрел, авиаудар, артналет, артудар, авиаарейд, авиаатаран, артвилка, артогонь, артстрельба;

2) субъектно-субъектные боевые действия: авиабитва, авиабой, боестолкновение, авиаэрражение, артстрельба;

3) должность или роль: авиааводчик, армврач, арминженер, арминдендант, армветврач, армвоенюрист, арткорректировщик, артнаводчик, артприлуза, артэлектрик, бригврач, бригинженер, бригкомиссар, бригвоенюрист, военначальник, военврач, военком, военкор, военпред, военрук, военспец, воентехник, военфельдшер, военюрист, дивврач, дивинженер, дивинтендант, дивкомиссар, командарм, комбат, комбриг, комвзвода, комвойск, комдив, комкор, комроты, комотдел, комфлота, артнаб, военлёт, военмед, военмор;

4) боеприпасы, техника, авиация и вспомогательные средства: авиаомба, авиаооружение, авиаакрейсер, авиаамина, авиаоружие, авиаапулемет, авиаапушка, авиаракета, авиааснаряд, авиааторпеда, авиаахимомба, артвооружение, арткомпас, артмашина, артмина, артпарк, артпорх, артприцел, артсклад, артснабжение, артснаряд, арттрубка, артустановка, артицит, артэмблема, боеголовка, боезапас, боезаряд, боекомплект, боемашина, боепитание, боеприпасы, бронеавтомобиль, бронеамфибия, бронегрузовик, бронеджип, бронежильт, бронекаска, бронекатер, бронеколпак, бронекоробка, бронекорсет, бронелист, бронемашина, бронеодежда, бронепоезд, бронеснаряд, бронешлем, бронетехника, бронетанк, взрывграната, взрывгенератор, взрывпакет, взрывснаряд, взрывустройство, воентехника, военформа, погранкатель, разведкорабль, разведоборудование, разведсамолёт, разведспутник, разведсудно, разведтанк, спецавиация, спецвооружение, спецпаёк, сухпаек (сухтай), химбомба, химоружие, химснаряд, артхимснаряд, артлинейка, артприм, артсистема;

5) объединения военных: авиабригада, авиаагарнизон, авиаагруппировка, авиаотряд, авиаотряд, авиаэскадра, авиаэскадрилья, авиаадивизия, разведбатальон (разведбат), разведвзвод, разведгруппа, артподразделение, артполк, авиаформирование, бронегруппа, бронедивизион, бронекавалерия, бронеколонна, бронеотряд, артбат, артбригада, артвзвод, гварддивизия, минполк, минрота, минбатарея, минбригада, минвзвод, миндивизион, военбатальон, артвойска, погрангарнизон, авиаадесант, авиакорпус, авиаохрана, авиаатруль, авиааподразделение, артгруппа, артдив, артдивизион, артдивизия, химвойска, пецбригада, спецвойска, спецконвой, спецотряд, спецподразделение, спецполк, погранвойска, погранзастава, пограннаряд, погранотряд, погранохрана, погрансоединение, разведдивизион, разведкомпания, разведотряд, разведсообщество, спецслужбы, погранполиция, погранокруг, комсостав, военотряд, военполиция, военморфлот, мобрезерв, мобресурс;

6) военные мероприятия и реквизит: авиаадесантирование, авиаатрулирование, артподготовка, разведсводка, боеподготовка, взрывработы, авиаапарад, военсборы, разведдеятельность, разведдозор, авиааподдержка, авиаслужба, арткорректировка, артнаводка, артоборона, артразведка, артснаб, химслужба, разведданные, спецоперация, разведслужба, мобзадание, мобплан, мобпредписание, разведдоклад, разведдонесение, развединформация, разведматериалиы, погранрежим, погранслужба, артревога, мобмошности, мобподготовка, арттаблица, мобработка, разведпоиск, разведполёт, разведработка, разведсведения, разведсистема, разведтехнология, военучет, военхроника, оборонзаказ, оборонкомплекс, воензаказ, воензнак, военлит, военбюджет, воендело, военипотека, военпенсия;

7) военные учреждения: авиа госпиталь, военакадемия, военвуз, военучилище, артикола, разведшкола, артуч, военкафедра;

8) военные институции: армиском, армкомитет, армревком, моборганы, моботдел, военсовет, разведорган, разведотдел, разведотделение, разведупр, разведуправление, погрануправление, военвед, военкомат, военсуд;

9) военные локации: боерайон, боеучасток, компункт, комцентр, авиаполигон, артгнездо, укрепрайон, укрепсооружение, разведпост, разведпункт, дивкладбище, разведрайон, оборонзавод, военчасть, авиачасть, артбаза, артмузей, артополигон, разведучасток, разведфронт, разведцентр, артнабпункт, мобпункт, артчасть, взрывсклад, военгородок, военгоспиталь, погранпост, военсклад, военторг, оборонпредприятие, воен завод, военмост;

10) характеристики: боеспособность, мобготовность, мобпотенциал;

11) военные отрасли: взрывпром, авиаракетостроение, военпром, военстрой.

Таким образом, в результате анализа 20 аббревиатурных групп, которые содержат 343 сложносокращенных слова, являющихся военными наименованиями, нами была осуществлена лексико-семантическая классификация аббревиатур, предполагающая 11 тематических групп: 1) субъектно-объектные боевые действия; 2) субъектно-субъектные боевые действия; 3) должность или роль; 4) боеприпасы, техника, авиация и вспомогательные средства; 5) объединения военных; 6) военные мероприятия и реквизит; 7) военные учреждения; 8) военные институции; 9) военные локации; 10) характеристики; 11) военные отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец, А. И. История словарей сокращений. (2021). Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 3. 70–76.
2. Рязанова, В. А. Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В. А. Рязанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 158–169.
3. Теркулов, В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Москва, РУДН. — № 1. — С. 97–112.

Поступила в редакцию 12.09.2025 г.

M. A. Buturlimova

LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF ABBREVIATIONS – MILITARY NAMES

It is based on the lexico-semantic classification of compound military names. 343 units related to military affairs were allocated, consisting of 20 abbreviation groups: avia, arm, art, brig, combat, armor, explosive, military, guard, div, kom, mine, mob, defense, border, reconnaissance, spec, suh, fortification, chemical. For the described units, we have proposed a thematic classification of abbreviations, including 11 items.: 1) subject-object combat operations; 2) subject-subject combat operations; 3) position or role; 4) ammunition, equipment, aviation and auxiliary equipment; 5) military associations; 6) military events and props; 7) military institutions; 8) military institutions; 9) military locations; 10) characteristics; 11) military branches.

Key words: compound word, lexico-semantic group, military name, thematic group, abbreviation group.

Бутурлимова Мария Андреевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: buturlimova1107@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич.
Доктор филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Профессор кафедры русского языка.
E-mail: vi.terkulov@mail.ru

Buturlimova Maria Andreevna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate student.
E-mail: buturlimova1107@gmail.com

Terkulov Vyacheslav Isaevich.
Doctor of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Professor of the of the Department of Russian
Language.
E-mail: vi.terkulov@mail.ru

Методика преподавания русского языка

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.18069268

A. A. Marushko©2025

*Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
в г. Славянске-на-Кубани*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИНТЕРЕСА У ШКОЛЬНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена актуальной проблеме повышения мотивации и познавательного интереса школьников к изучению русского языка в условиях современных образовательных вызовов. В качестве эффективного и инновационного педагогического инструмента рассматривается образовательный квест, который может сделать процесс изучения языка более увлекательным и продуктивным. Целью исследования было выявление и обоснование педагогического потенциала квестовых технологий для вовлечения учащихся в активное освоение учебной информации, а также разработка материалов для проведения образовательного квеста в 7-м классе по разделу «Причастие». Основные результаты исследования показали, что применение образовательного квеста способствует существенному росту интереса к предмету, улучшению понимания грамматических правил, расширению словарного запаса и развитию навыков командной работы.

Ключевые слова: интерес к изучению, образовательная технология, интерактивное обучение, квест-технология, образовательный квест.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (далее ФГОС) учителю необходимо стимулировать интерес обучающихся к творческой и интеллектуальной деятельности и создавать условия для развития и реализации интереса обучающихся к саморазвитию, самостоятельности и самообразованию [5]. Ввиду появления современных гаджетов и Интернет-ресурсов, в процессе обучения школьников педагоги сталкиваются с большим количеством проблем, среди них: отсутствие интереса и мотивации у учащихся к получению новых знаний; переключение внимания учеников на посторонние предметы (гаджеты, игрушки); непонимание важности получения новых знаний и навыков и многие другие проблемы.

Кандидат педагогических наук Т. В. Костаева и методист Ю. С. Костаева рассуждают об этих проблемах и считают, что от степени заинтересованности часто зависит и внимание на уроке, и проявление активности в познавательной деятельности самого ученика, а также его творческий подъём и интенсивность мыслительной деятельности [3].

Преподаватель М. О. Мамажонова в своей научной работе пишет о том, что усвоить материал с интересом — значит сделать его своим, так овладеть знаниями, чтобы они стали как бы собственными и можно было бы применить их в любых жизненных обстоятельствах. Она обосновывает данный тезис так: при наличии интереса у школьника знания усваиваются прочно, а при отсутствии интереса учебный материал усваивается с трудом, формально [4]. Таким образом, новая информация, полученная без интереса, обычно не находит применения в жизни и в скором времени забывается.

Студент магистратуры П. М. Гусева, исследуя интерес к изучаемым темам русского языка, для примера приводит нерадостную статистику: «Яндекс.Учебник» в 2021 году провёл опрос среди 2438 родителей учащихся и выявил, что самым интересным предметом учащиеся считают математику, а «Русский язык» оказался на последнем месте в рейтинге. В связи с этим педагогам важно осознавать необходимость повышения интереса у обучающихся к изучению тем русского языка для того, чтобы они

успешно справились со сдачей выпускного экзамена по этому предмету, который входит в перечень обязательных к сдаче [2].

Так, мы понимаем, что учителям нужно вызывать у школьников интерес к своему предмету для повышения интенсивности мыслительной деятельности, повышения внимания учеников к изучаемым темам и лучшего усвоения изученного материала, что пригодится им не только на выпускных экзаменах, но и в будущей профессиональной деятельности.

Вызвать интерес у обучающихся к образовательному процессу и заинтересовать их темой урока непросто, поэтому современным учителям важно в своей работе использовать интересные методики и нестандартные формы проведения урока.

На современных уроках для повышения интереса у школьников к обучению используется следующее:

1. Применение различных форм обучения (индивидуальная работа, парная, групповая, коллективная), потому что, взаимодействуя с одноклассниками, ученики раскрываются, становятся более активным в процессе сотрудничества, помогая друг другу прийти к общей цели и при этом проявляя непосредственный интерес к самому процессу.

2. Организация интегрированных уроков (объединение нескольких смежных) для того, чтобы через связь с другим учебным предметом, показать уникальность каждого из них.

3. Использование различных образовательных технологий (интерактивной, проектной, критического мышления, разноуровневого обучения и других), так как при смене форм работы можно проследить, какая из них вызывает наибольший интерес и максимально активизирует, вовлекает учащихся в учебный процесс.

4. Организация исследовательской деятельности по актуальным темам, в процессе которой учащиеся добывают знания самостоятельно, осуществляют поиск интересующей информации.

5. Использование ИКТ сегодня мотивирует учеников к изучению, потому что служит средством наглядности и визуализации данных, позволяет преподносить учебную информацию нестандартно (в виде игр и головоломок), облегчает доступ к информации, позволяет участникам образовательного процесса взаимодействовать друг с другом в удобном формате (например, в дистанционном режиме).

6. Использование актуальной и новой информации вызывает интерес благодаря связи с бытовой жизнью учащихся, способствует осознанию практической значимости материала и обновлению уже усвоенных знаний.

Из вышеперечисленного «Использование различных образовательных технологий» пользуется особой популярностью в научно-методической сфере, потому что современные педагоги постоянно осуществляют работу по поиску и созданию собственных приёмов и методик не только для повышения интереса у учащихся к учебному процессу, но и для того, чтобы качественно и доступно доносить до школьников сложные теоретические и научные сведения.

Образовательная технология интерактивного обучения вызывает у меня наибольший интерес, так как в процессе такой работы происходит не одностороннее взаимодействие (учитель–ученик), а коллективное, двустороннее взаимодействие (между учителем с учениками и между самими учениками).

Академик и профессор Г. К. Селевко отмечает уникальность интерактивной технологии, потому что, благодаря её использованию, информационные потоки проникают в сознание каждого школьника, вызывают его активную деятельность и порождают обратный информационный поток, от ученика к учителю [8]. По мнению

многих исследователей и методистов, именно такая работа вызывает у учащихся наибольший интерес и способствует качественному усвоению знаний.

Среди большого количества интерактивных методик моё внимание привлекает технология образовательного квеста, которая позволяет решить несколько видов задач: образовательную (вовлечение каждого учащегося в познавательный процесс); развивающую (развитие интереса к предмету, развитие интеллектуальных, творческих способностей и воображения, формирование навыков исследовательской деятельности, расширение кругозора, эрудиции и мотивации); воспитательную (воспитание личной ответственности за выполнение заданий, воспитание интереса к изучаемому предмету, его истории, традициям и культуре).

Квест-технология появилась относительно недавно: с 1995 года, когда профессор Берни Додж предложил использовать в процессе обучения некую поисковую систему, в которой предполагалось находить решение поставленной задачи с прохождением промежуточных стадий, на каждой из которых требовалось выполнить какое-то действие или найти ключ для выхода на следующий уровень.

Само понятие «квест» обозначает игру, требующую решения заданий для продвижения по сюжету. В процессе квест-игры у участников активизируются мышление, воображение и творческие способности, а также появляется интерес, желание «дойти до конца» — всё это позволяет участникам квеста погрузиться в изучение содержания игры для того, чтобы успешно переходить от станции к станции, от этапа к этапу [7].

Сегодня образовательный квест — это интерактивная технология, сочетающая в себе идеи проблемного и игрового обучения, где основой является проблемное задание, которое в процессе образовательной игры нужно решить. Такой вид квеста реализуется в процессе урока или во внеурочной деятельности [7].

Одним из самых важных элементов в технологии образовательного квеста является сюжет, потому что он развивает интерес к исследуемой теме, вовлекает участников в процесс, развивается за счёт активности участников и не содержит лишней информации, не относящейся к изучаемому материалу или отвлекающей от погружения в содержание этого материала. В зависимости от сюжета квесты бывают нескольких видов:

- линейными, в которых игра построена по цепочке (выполнив одно задание, участники получают следующее, и так до тех пор, пока не пройдут весь маршрут);
- штурмовыми, где все игроки получают основное задание и перечень точек с подсказками, но при этом самостоятельно выбирают пути решения задач;
- кольцевыми, которые представляют собой тот же «линейный» квест, но замкнутый в смысловое кольцо по принципу обрамления [1].

Самыми несложными в разработке являются линейные квесты, поэтому их применяют чаще всего. В зависимости от изучаемой темы учитель может выбрать наиболее подходящий вид квеста.

Роль учителя в организации и проведении образовательного квеста высока. Педагогу важно проанализировать аудиторию школьников, её интересы, возраст, успеваемость и уровень активности. А также важно принимать участие в самом процессе: смотреть, все ли ученики задействованы; не возникает ли трудностей; помочь, подсказать.

Несмотря на то, что технология образовательного квеста появилась относительно недавно, многие педагоги, исследователи и методисты уже отмечают её особенности и рекомендуют использовать в учебном процессе.

Кандидат филологических наук Н. Н. Фролова и студент А. В. Циппер в своей научной работе описывают уникальность квест-технологии, подчёркивая, что применение её на уроках позволяет не только расширить рамки образовательного

процесса, но и освободить его от однообразия и монотонности, задействовать всех участников образовательного процесса, реализовать их творческие способности, воплощать имеющиеся знания и навыки в практической деятельности [9].

Учитель русского языка и литературы Т. С. Барахова в своей статье также отмечает положительные особенности применения квеста в образовательном пространстве. Она рекомендует коллегам использовать образовательный квест на своих уроках, потому что он пользуется популярностью у подростков и взрослых благодаря неординарной организации образовательной деятельности и захватывающему сюжету [1].

Исследователь в области педагогики О. В. Панькова в своей статье рассуждает о ценности этой интерактивной методике, так как благодаря ей можно не только улучшить восприятие учебного материала, но и стимулировать умственное и нравственное развитие детей.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод: образовательный квест является хорошим способом возбуждения интереса к учебному процессу у школьников и заслуживает внимания со стороны педагогов, исследователей и методистов.

Технология образовательного квеста настолько уникальна, что её можно применять практически на любом школьном предмете и к любой теме урока. Наиболее актуально использовать образовательный квест при изучении таких тем урока, которые вызывают у школьников наибольшее затруднение.

На педагогической практике в общеобразовательной организации я провела диагностическую работу для того, чтобы проверить сформированные умения у семиклассников после изучения раздела «Причастие»: находить причастия; отличать причастия от других частей речи; определять синтаксическую роль причастий в предложении; образовывать причастия из глаголов при помощи определённых суффиксов. Проверочная работа состояла из 15 заданий. Результаты оказались неутешительными: из 32 учащихся только 2 школьника получили оценку «5» (6 %), 8 учеников получили отметку «4» (25 %), 15 учащихся получили оценку «3» (47 %) и 7 человек — «2» (22 %). Кроме диагностической работы я побеседовала со школьниками по поводу результатов проверочной работы. Выяснилось, что изученная тема «Причастие» была для них сложной и неинтересной, из-за чего у них не было желания изучать данный раздел.

Так, мы понимаем, возникает необходимость дополнительной работы в данном направлении.

Для предотвращения таких результатов я предлагаю использовать на уроках русского языка в 7-м классе при изучении раздела «Причастие» образовательный квест «Экспресс в страну Причастие».

Цель квеста: открытие нового знания по теме «Причастие как особая группа слов» в 7-м классе. Благодаря прохождению образовательного квеста школьники достигнут следующих результатов: узнают определение причастия, его признаки, словообразовательные особенности и синтаксическую роль в предложении; научатся находить причастия и образовывать их. Для организации мероприятия понадобятся следующие материалы: рабочие листы (4 штуки), пустой лист, цветные карандаши, мультимедийное оборудование, информационный видеоролик, раздаточный материал по теме.

Организовать участие семиклассников в выполнении заданий квеста можно как по командам (в количестве 5–6 человек), так и всем классом (каждый ученик задействован учителем в процессе прохождения станций). Такой урок с использованием квест-технологии рассчитан на 1 учебное занятие (40–45 минут).

Квест «Экспресс в страну Причастие» состоит из 5 станций (от 0–5): «Вокзал», «Причастный двор», «Долина суффиксов», «Фабрика причастий», «Театр причастий», «Страна Причастие».

На нулевой станции «Вокзал» учитель знакомит школьников с формой работы: рассказывает о предстоящей поездке в страну Причастие на небольшом уютном экспрессе через интересные остановки; оглашает правила игры и делит учеников на команды по 5–6 человек (можно проходить квест всем классом без разделения на группы). Затем все учащиеся отправляются на первую станцию «Причастный двор», где им выдаётся информационный текст с пропусками о причастии. Задача школьников: просмотреть образовательный видеоролик и заполнить пропуски в тексте, узнав важные сведения о причастии (самостоятельная часть речи; содержит в себе признаки и глагола, и прилагательного; обозначает признак предмета по действию; отвечает на вопросы: какой? что делающий? что делавший? что сделавший?). После верного заполнения пропусков, школьники передвигаются дальше, на вторую станцию «Долина суффиксов». Учащимся предлагается, используя полученные из видеоролика сведения о причастиях, найти слова этой части речи в предложенном тексте. Верно выполнив это задание, ученики получают карточку с суффиксами причастий. На третьей станции «Фабрика причастий» от школьников требуется образовать причастия, используя полученную карточку. Успешно справившись с этим заданием и переходя на четвёртую станцию «Театр причастий», учащиеся приступают к определению синтаксической роли причастий в предложениях текста, полученного на второй станции. Пятая, финальная станция «Страна Причастие» предполагает выполнение последнего задания: составить кластер на тему «Причастие», используя материалы, собранные на протяжении всего квеста. После выполнения всех заданий, нужно обязательно организовать этап рефлексии, на котором команды представляют свои кластеры, а также каждый ученик письменно или устно продолжит высказывания:

- *Мне ... прохождение квеста;*
- *Сегодня я узнал, что ...;*
- *Больше всего мне понравилась станция ..., потому что....*

Такой вид работы способствует повышению интереса школьников к изучению русского языка, вовлекает каждого участника квеста в образовательный процесс и способствует формированию необходимых умений для дальнейшего изучения раздела «Причастие».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барахова, Т. С. Образовательный квест — современная интерактивная технология / Т. С. Барахова // Издательский дом «Первое сентября» : сайт. — 2024. — URL: <https://urok.1sept.ru/articles/685987?ysclid=m2qies947q586258185> (дата обращения: 26.10.2024).
2. Гусева, П. М. К проблеме развития познавательного интереса к изучению русского языка у учащихся среднего подросткового возраста / П. М. Гусева // Молодой ученый. — 2023. — № 19(466). — С. 460–462. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53799499> (дата обращения 10.09.2024).
3. Костаева, Т. В. Формирование устойчивого учебно-познавательного интереса школьников как педагогическая проблема / Т. В. Костаева, Ю. С. Костаева // Наука, образование и культура. — 2016. — № 5(8). — С. 48–51. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ustoychivogo-uchebno-poznavatelnogo-interesa-shkolnikov-kak-pedagogicheskaya-problema?ysclid=m31wvijjm424448941> (дата обращения 10.09.2024).
4. Мамажонова, М. О. Развитие интереса к занятиям русского языка / М. О. Мамажонова // Экономика и социум. — 2018. — № 10(53). — С. 425–428. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36650501> (дата обращения 10.09.2024).
5. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 года № 287 // Гарант. РУ : информационно-правовой портал. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения 10.09.2024).

6. Панькова, Н. В. Интерактивные методы обучения на уроках русского языка и литературы / Н. В. Панькова, Т. Ю. Турова // Молодой ученый. — 2022. — № 43(438). — С. 338–340. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49752847> (дата обращения: 26.10.2024).
7. Сафонова, Е. В. Образовательный квест: смысл, содержание, технологические приёмы / Е. В. Сафонова // Народное образование. — 2018. — № 1–2(1466). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-kvest-smysl-soderzhanie-tehnologicheskie-priyomy> (дата обращения: 26.10.2024).
8. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. / Г. К. Селевко // НИИ шк. технологий, 2006. — Москва. — 22 с. — ISBN 5-87953-211-9. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19976436> (дата обращения 10.09.2024).
9. Циппер, А. В. Использование образовательного квеста на уроках русского языка при изучении и закреплении темы «Причастие» в 7 классе / А. В. Циппер, Н. Н. Фролова // Исследовательская деятельность в образовательном пространстве региона : материалы X региональной научно-практической конференции, Славянск-на-Кубани, 18–23 апреля 2022 года. — Славянск-на-Кубани: Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Кубанский государственный университет" в г. Славянске-на-Кубани, 2022. — С. 140–146. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50277346> (дата обращения: 26.10.2024).

Поступила в редакцию 29.08.2025 г.

A. A. Marushko

EDUCATIONAL QUEST AS A WAY TO INCREASE STUDENTS' INTEREST IN LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE

This article addresses the pressing issue of increasing schoolchildren's motivation and cognitive interest in learning Russian amidst modern educational challenges. An educational quest is considered an effective and innovative pedagogical tool that can make language learning more engaging and productive. The aim of the study was to identify and substantiate the pedagogical potential of quest technologies for engaging students in active learning, as well as to develop materials for conducting an educational quest in the 7th-grade classroom on the "Participle" section. The main results of the study showed that the use of an educational quest significantly increased interest in the subject, improved understanding of grammar rules, expanded vocabulary, and developed teamwork skills.

Keywords: *interest in learning, educational technology, interactive learning, quest technology, educational quest.*

Марушко Ангелина Александровна.

Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, РФ.

Студент.

E-mail: angelinamarushko@mail.ru

Angelina Aleksandrovna Marushko.

Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" in Slavyansk-on-Kuban, RF.

Student.

E-mail: angelinamarushko@mail.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 82-31

DOI: 10.5281/zenodo.18069343

Д. И. Торопыно © 2025

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»
(Научн. рук. — д-р филол. наук А. В. Шаравин)

ЦВЕТОВЫЕ ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ» А. И. КУПРИНА В РЕЦЕПТИВНОМ АКТЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются цветовые образы в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет» с точки зрения их участия в читательском восприятии. Цветовая палитра художественного текста не только способствует созданию в воображении читателя более полного и эстетически совершенного образа главных героев произведения, но и помогает пережить их чувства как свои собственные. В ходе исследования нами было выделено более 60 колоративных единиц, которые присутствуют не только в портретной характеристики Веры Шейна и Георгия Желткова, но и в описываемой окружающей среде. Использование различных цветовых элементов помогает создать психологический портрет персонажей повести «Гранатовый браслет», что в свою очередь позволяет углубить их анализ современным исследователям.

Ключевые слова: А. И. Куприн, «Гранатовый браслет», цветовой образ, цветопсихология, психологизированный портрет, символ.

Использование цветовых обозначений в мировом «словесном искусстве» имеет богатую историю. С течением времени и становлением художественной литературы содержание понятия «цвет» претерпевает существенные изменения, из характеристики физических свойств предмета или явления действительности трансформируясь в цветовой образ с довольно широким смысловым полем и собственной символикой.

Литература, играя роль «словесной живописи», активно использует цвет для достижения определенных целей. В том случае, когда через цветовую палитру автор предполагает вызвать у читателя представление об изображаемых явлениях, близкое к реальности, эмоционально-выразительная функция цвета становится служебной. В прозаическом произведении зачастую именно эта функция выходит на первый план, придавая цветовому образу метафорическое значение и позволяя писателю, таким образом, эстетизировать общее впечатление от текста и усилить его воздействие на читателя. Вся художественная система прозаического текста подчинена раскрытию канвы событий, динамики чувств главных героев и их психологизма, и цветовые образы призваны дать возможность читателю пережить их как свои собственные.

Под термином «цветообозначение» понимается слово или словосочетание, вызывающее цветовые ассоциации и служащее для наименования цвета. Следовательно, это языковая единица, содержащая в себе корневой морф, этимологически и семантически связанный с цветом и цветовосприятием — колоратив. При этом данная лексема может использоваться как в прямом, так и в переносном значении для описания цвета.

Внешний вид цветообозначений, их семантическое наполнение и выполняемые ими функции претерпевали изменения на протяжении тысячелетий, прежде чем обрести современный вид. «Развиваясь во времени и пространстве, цветообозначения сохраняют некое стабильное, константное, ядро. Оно состоит из самых старых слов, зафиксированных в древнейших памятниках славянской письменности» [3, с. 126].

Изучением цветовых лексем занимались многие ученые: А. П. Василевич, С. С. Мищенко, С. Н. Кузнецова, В. Г. Кульпина, С. В. Кезина, С. В. Мичугина, Р. М. Фрумкина, С. И. Лукьяненко и др. Цветообозначения являются предметом исследования не только лингвистики, но и ряда других дисциплин: физика, психология, физиология и др. Благодаря этому в науке сформировалось несколько подходов к изучению колоративов: лексико-семантический, грамматический, исторический, когнитивный, сопоставительный и функциональный.

Исследования лингвистов, специализирующихся на типологии и этимологии, охватывающие десятки языков, выявили ряд общих черт в эволюции систем цветообозначения. На начальном этапе развития всех известных языков присутствовало лишь два слова для обозначения цветовых оттенков: *темный* и *светлый*. Лексема *красный* была добавлена к ним, в то время как *темный* и *светлый* трансформировались в *черный* и *белый*. На третьей стадии языка появляется слово, обозначающее одновременно *синий* и *зеленый*, позже одно из этих значений закрепляется за ним, а для другого вводится новое понятие. С каждой последующей стадией развития системы цветообозначения лексем, охватывающих широкий спектр цветов, заменяются более точными терминами, обозначающими конкретные оттенки: *синий*, *зеленый*, *желтый* и т. д. На последней набор основных цветовых наименований становится полным: добавляются лексемы *коричневый*, *оранжевый*, «*фиолетовый* и «*серый*»).

Каждый цвет оказывает определенное воздействие на человека и его сознание. Это влияние обусловлено как физиологическим воздействием цвета на организм, так и ассоциациями, вызываемыми цветом на основе прошлого опыта и подсознания. Несмотря на это, до сих пор не существует единой доктрины, охватывающей феномен цвета в рамках какой-либо одной науки или научного направления. Цвет играет важную роль в жизни общества, культуре и индивидуальном сознании. Он может выражать отношение человека к явлениям окружающего мира. Цвет является неотъемлемой частью культуры, служащей инструментом для характеристики, систематизации, классификации и обозначения объектов, социальных явлений и абстрактных понятий.

Использование тончайших нюансов колористической гаммы было характерно для реализма конца XIX – начала XX века как направления, к которому принадлежали А. И. Куприн, И. А. Бунин, И. Шмелев, Б. Зайцев и др. Изменение реалистического метода в данный период, в отличие от классического реализма, было связано с усилением внимания писателей к художественной детали, синтетическим образам-символам, изображению мира в многокрасочности и многозвучности, отражающим текучее состояние мира, пребывающего в вечном движении. Колористика была важнейшим художественным средством реализма конца XIX – начала XX века. Это особенно заметно проявилось в обращении писателей середины XX века, следовавших классической традиции, к эстетическим колористическим практикам И. А. Бунина и А. И. Куприна. Так изображение мира в многообразии бунинских и купринских цветовых оттенков стало определяющим для поэтики Ю. Трифонова [6, с. 261].

Выбор определенной цветовой палитры или акцентное применение конкретного цвета, использование переходов или контрастов — все это позволяет создать известному русскому писателю рубежа XIX–XX вв. А. И. Куприну в повести «Гранатовый браслет» определенную тональность произведению, дать читателю почувствовать и разделить психологическое состояние главных героев — Веры Шеина и Георгия Желткова. Особый интерес представляет рассмотрение художественного пространства романа данного писателя в рецептивном акте читательского восприятия через призму исследований по цветопсихологии. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Исследуя повесть «Гранатовый браслет» на предмет колоративной лексики, можно выделить более 60 единиц, которые писатель использует, когда изображает портрет

главных героев, природу и вещный мир. Выделим наиболее часто встречающиеся цвета в данном произведении в порядке убывания: *черный, белый, золотой (желтый), зеленый, розовый, голубой*. Единичными являются *коричневый, гранатовый, багровый*. Из наименований, менее обозначающих цвет, можно выделить *рыжий, ало-кровавый, карминный, сизый, темный*.

Таким образом, А. И. Куприн, написав повесть «Гранатовый браслет» в духе реализма, не пренебрег широко в нем применять прием цветописи для характеристики персонажей, окружающей среды и духа русской эпохи рубежа XIX–XX вв. Ниже мы рассмотрим, как цветовые образы функционируют в данном художественном тексте через призму цветопсихологии.

Так, автор образовывает фамилию Желтков благодаря цветовой лексеме *желтый*, которая в литературоведении имеет неоднозначную семантику. Например, С. Соловьев, дает такой комментарий: «Желтый — это вообще особенный, странный, сложный цвет в жизни многих людей, не только великих» [5, с. 55]. Б. А. Базыма усматривает в употреблении желтого цвета «негативное звучание и отрицательный символический смысл» [1, с. 18], тогда как Г. Э. Бреслав, напротив, связывает с ним «радость, ясность, оптимизм и веселье» [2, с. 63]. Из этого следует, что образ Желткова в романе «Гранатовый браслет» А. И. Куприна имеет неоднозначную интерпретацию: с одной стороны, он сильный человек, который пошел на самоубийство, любя замужнюю женщину, с другой — его навязчивая идея преследовать Веру Шеина не симпатизирует ни ей, ни читателю и служит показателем негативной характеристики фамилии.

Употребление в прямом значении *желтого* колоратива можно встретить в портрете повара Веры — Луки: «Пришел высокий, бритый, желтолицый повар Лука...» [4, с. 251]. В приведенном примере он передает болезненное состояние человека.

Примечательно то, что при создании портрета Желткова Куприн употребляет цветовой образ *бледный* («Бледное, худощавое лицо» [4, с. 285]), чтобы подчеркнуть его психическое состояние и внутреннюю неуверенность. Г. Э. Бреслав в цветопсихологии трактует данный цветовой образ следующим образом: «большая открытость и желание контакта с окружающими» [2, с. 58]. С чем нельзя не согласиться, потому что главный герой был на протяжении всей повести общительным человеком. Однако в «Гранатовом браслете» Куприн дает и прямое значение этому цветовому образу. Например, бледный цвет лица у детей Анны Николаевны являлся следствием физического недомогания: «...малокровных детей младшей сестры, всегда приличных и послушных, с бледными мучнистыми лицами» [4, с. 245].

Еще одной важной деталью в портрете Георгия является *голубой* цвет его глаз. В литературоведении данный оттенок имеет множество трактовок. Чаще всего он обозначает романтическую сторону натуры человека. В цветопсихологии можно обнаружить следующие определения этого колоратива: «свежесть, одухотворенность и некоторая холодность» [2, с. 68], он воспринимается как «соответствующий истине», «настраивает на смирение, благочестие» [1, с. 68]. Главный герой на протяжении всего повествования тайно следил за Верой и хранил оброненные ей вещи, настойчиво писал множество писем, в день рождения подарил героине гранатовый браслет (высшее проявление его чувств к ней) и украл у нее платок во время бала. Однако цветовой образ *голубой* отражает и негативный, маниакальный характер любви Желткова к Вере Шеина. Поэтому к семе *романтичный* можно добавить и *холодность*, чтобы наиболее полно отразить характер персонажа.

Также яркой деталью в повести выступает короткий пиджак *коричневого* цвета, который носит Желтков. Базыма выделяет следующую психологическую особенность данного оттенка: «нищета, безнадежность, убогость, мерзость» [1, с. 14]. Если сопоставить приведенную трактовку с характеристикой, которую дает герою

А. И. Куприным в «Гранатовом браслете», то убедимся, что они пересекаются: герой был мелким, небогатым чиновником, который постоянно сомневается в своих действиях и чувствах к госпоже Шеина.

Интересной особенностью в портрете Желткова становится его *рыжие* усы, которым Куприн придает неповторимый и яркий характер. Помимо символического значения (можно сопоставить с усиками таракана, который приспосабливается к любым условиям), в психологии этот цвет имеет следующие трактовки: «Весьма сильное впечатление производит <...> У смотрящего возникает сильное психологическое напряжение» [2, с. 21]. Благодаря этому автору удается создать контраст между бледным и безжизненным лицом и сразу бросающимися в глаза усами Георга, что придает противоречивость его образу.

В главной героине читатель не встретит такой разнообразной цветовой гаммы, какая присутствует в Желткове. Тем не менее мы выделим основные колоративы, помогающие автору создать ее психологический портрет.

Во внешности главной героини доминирует *серый* цвет: «Вера всегда одевалась очень просто, скромно, с большим вкусом, но в то же время изящно, в серое платье и белую блузку» [4, с. 244]. Г.Э. Бреслав определяет следующим образом значение употребленных цветовых лексем: *белый* — «чистый, приглушенный, мягкий тон» [2, с. 20] и *серый* — «стабильность и холодность» [2, с. 57]. Данные колоративы демонстрируют сдержанность, аристократическую утонченность, холодность и отстраненность в характере Веры.

Еще одной важной деталью в ее портрете выступают глаза *темного* цвета. Б. А. Базыма определяет данный колоратив следующим образом: «небытие, смерть, хаос, разрушение» [1, с. 7]. Если глаза являются зеркалом души, то отсюда можно заключить, что через использование темного оттенка Куприн выражает трагическое ощущение жизни Верой, чувство долга, которое часто подавляет ее истинные эмоции и ощущения. Однако, когда она узнает, что Желтков совершил самоубийство, ее глаза становятся покрасневшими вследствие пролитых слез по нему: «Она пришла к мужу с покрасневшими от слез глазами и вздутыми губами, и, показав письмо, сказала...» [4, с. 293]. Красный, по Бреславу, имеет негативную коннотацию: «действие раздражающее и возбуждающее» [2, с. 20]. Как мы видим, данный цвет помогает передать психологическое состояние героини после трагического события в ее жизни.

Еще подобным примером передачи чувства персонажей посредством использования красного колоратива в их портрете может послужить лицо генерала Аносова: «У него было большое, грубое, красное лицо с мясистым носом..., чуть-чуть презрительным выражением в прищуренных глазах, расположенных лучистыми полукругами» [4, с. 252]. Приведенный отрывок демонстрирует жесткий характер генерала, а использование цветового образа это только усиливает. Покрасневшие глаза — следствие переживаний и слез Веры Николаевны, ее предчувствие гибели Желткова.

Также можно выделить наличие *серебряного* цвета в портрете Аносова: «Генерал Аносов, тучный, высокий, серебряный старец, тяжело слезал с подножки, держась одной рукой поручни козел, а другой за задок экипажа» [4, с. 252]. Данный оттенок можно трактовать как символ мужества, доблести и отваги. Ведь не зря у этого персонажа есть военное звание полковника. Но при этом употребление *серебряного* цвета при описании внешности человека может свидетельствовать о процессе старения как внешнем, так и внутреннем (нравственной деградации). В цветопсихологии нет трактовки данного цветового образа.

Помимо наличия приема цветописи в портретной характеристике главных героев повести «Гранатовый браслет», она также присутствует в различных предметах и вещах

героев, которые передают символическое значение и помогают наиболее полно раскрыть их образ и отношение друг к другу.

Можно отметить наличие цветовой лексики в заглавии произведения. *Гранатовый браслет* символизирует страстную, самоотверженную и трагическую любовь Желткова к Вере Николаевне. Этот цвет, как темный оттенок красного, также символизирует кровь, жертву и смерть, предвещая трагический финал его любви. В цветопсихологии можно встретить положительную коннотацию этого оттенка: «магическое, имеющее большую жизненную силу» [1, с. 18]. Она соответствует той семантике, которую вкладывает Куприн в ювелирное изделие. Это же значение носит *красное вино*, которое любит употреблять дедушка Веры.

Стоит отметить наличие *зеленого* цвета в описании гранатового браслета: из 6 гранатов, 5 из которых — прекрасные гранаты, один был этого цвета и малого размера: «Посредине, между большими камнями, вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт гранат — зеленый гранат» [4, с. 261]. В цветопсихологии он имеет положительные трактовки: «способствует спокойствию и уравновешенности, стабильности и погруженности человека в свой внутренний мир» [2, с. 20], символизирует «жизненную стойкость, счастье и благополучие» [1, с. 18]. Все названные исследователями ощущения контрастируют на фоне основного, красного оттенка и в то же время помогают писателю создать неповторимое сочетание разных эмоциональных подтекстов в одном предмете.

Прежде чем гранатовый браслет попал в руки Веры Шейна, он лежал на столе в *красном* футляре, перевязанном *розовыми* ленточками. Внутри футляра ювелирное изделие было накрыто *бледно-голубым* шелком. Согласно Г. Э. Бреславу, розовый выражает «духовную любовь и радость, единение с миром» [2, с. 61]; Б. А. Базыма считает, что такое цветовое обозначение воспринимается как «активное, положительное, поверхностное переживание типа легкой радости, повышенного настроения, чувства беззаботности и т. п.» [1, с. 67]. *Бледно-голубой* по Бреславу означает «свежесть, одухотворенность и некоторую холодность» [2, с. 68]. Отсюда следует, что помимо наделения Куприным самого гранатового браслета необычной сочетаемостью смыслом, в том же ключе он старается изобразить окружающую реальность, чтобы показать чувства Желткова к Вере Шейна и уровень их глубины.

Кроме широкой портретной галереи и вещного мира, цветовая гамма присутствует и в пейзажных зарисовках. У А. И. Куприна в исследуемой повести она является вспомогательным средством, с помощью которого раскрывается психологическая сущность главных героев.

Так, чтобы полно описать смену дня и ночи, писатель использует краткое прилагательное *черна*: «Ночь была так черна, что в первые минуты, пока глаза не притерпелись после света к темноте, приходилось ощупью ногами отыскивать дорогу» [4, с. 273]. Цветовой образ в приведенном контексте употреблен как в прямом, так и в переносном значении. В первом случае он передает состояние окружающей среды, то есть наступление ночи. Если мы рассмотрим данный колоратив через призму психологии, то можем встретить следующую трактовку: «небытие, смерть, хаос, разрушение» [1, с. 7]. Мы видим проявление метафорической семантики у *черного* цвета и, если мы еще учтем образ дороги, то можно сделать вывод, что главные герои повести «Гранатовый браслет» А. И. Куприна находятся в постоянном поиске истинного жизненного пути, но так и остаются в конце повествования блуждать в темноте, ища свою дорогу.

В противоположность *черному*, автор вводит *белый* колоратив, реализовав его в растительном образе акации: «А потом в жары ни один цветок, ни пахнул, только белая акация... да и та конфетами» [4, с. 269]. Данный куст цветов имеет символическое значение. Так, в странах Средиземноморья акация определяется как символ жизни,

бессмертия, отхода от активных дел, а также платонической любви. В цветопсихологии данный цветовой образ имеет положительные коннотации. Б. А. Базыма отмечает, что белый связан с «благом, добром, счастьем и развитием» [1, с. 5]. Как мы видим, символическая и психологическая семантика одного и того же объекта пересекается и взаимодополняет друг друга. Именно цветы акации стали символом в повести «Гранатовый браслет» той любви, к которой упорно стремился Георгий Желтков и которой не хватало Вере Шеина. Ведь не зря она в последней главе прижимается к стволу этого растения и плачет.

Еще одним растительным образом в повести выступает *красная* роза. В литературоведении цветок является символом любви и красоты. Это подчеркивает дополнение ярким колоративной лексемой, который у Базыма трактуется как «имеющий большую жизненную силу» [1, с. 18]. Она тоже наряду с акацией становится еще одним растением, через которое автор передает читателю сильные чувства двух главных героев исследуемого произведения.

Таким образом, мы видим, как в повести «Гранатовый браслет» известного русского писателя А. И. Куприна картина повседневности России рубежа XIX–XX вв. соединяется с тонкими границами души главных героев. Во многом это обусловлено использованием цветовых лексем: символика и смысловое поле цвета или общей тональности палитры помогает, с одной стороны, передать психологические характеристики Веры Шеина и Георгия Желткова, создать их психологический портрет, а с другой — настроить читателя на соответствующее восприятие данного художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базыма, Б.А. Психология цвета: Теория и практика. — М.: Речь, 2005. — 110 с.
2. Бреслав, Г.Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. — СПб.: Б&К., 2000. — 212 с.
3. Кульпина, В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.20. — М., 2002. — 695 с.
4. Куприн, А. И. Гранатовый браслет: повести и рассказы / А. И. Куприн; [сост. и выступ. ст. В. Этова; примеч. редакции]; худож. М. Петров. — М.: Дет. лит., 2016. — 301 с.: ил. — (Школьная библиотека).
5. Соловьев, С. Цвет, число и русская словесность. // «Знание — сила». — 1971. — № 1. — С. 54-56.
6. Шаравин, А. В. Модификации жанра городского рассказа 60-90-х годов // Вестник Брянского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 256-265.

Поступила в редакцию 25.08.2025 г.

D. I. Toropyno

COLOR IMAGES IN A.I. KUPRIN'S NOVEL "THE GARNET BRACELET" IN THE RECEPTIVE ACT OF READER'S PERCEPTION

The article examines the color images in A. I. Kuprin's novel "The Garnet Bracelet" from the point of view of their participation in the reader's perception. The color palette of the literary text not only helps to create in the reader's imagination a more complete and aesthetically perfect image of the main characters of the work, but also helps to experience their feelings as their own. In the course of the study, we identified more than 60 color units that are present not only in the portrait characteristics of Vera Shane and Georgy Zheltkov, but also in the described environment. The use of various color elements helps to create a psychological portrait of the characters in the story "Garnet Bracelet", which in turn allows modern researchers to deepen their analysis.

Keywords: A.I. Kuprin, "Garnet bracelet", color image, color psychology, psychologized portrait, symbol.

Торопыно Данила Иванович.

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, РФ.

Студент.

E-mail: danila.toropyno@mail.ru

Toropyno Danila Ivanovich.

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, RF.

Student.

E-mail: danila.toropyno@mail.ru

Шаравин Андрей Владимирович.
Доктор филологических наук.
Брянский государственный университет имени
академика И. Г. Петровского, г. Брянск, РФ.
Профессор кафедры русской и зарубежной
литературы и массовых коммуникаций.
E-mail: ek11ier@mail.ru

Sharavin Andrey Vladimirovich.
Doctor of Philological Sciences.
Bryansk State University named after Academician I.
G. Petrovsky, Bryansk, RF.
Professor of the Department of Russian and Foreign
Literature and Mass Communications.
E-mail: ek11ier@mail.ru

УДК 81'42
DOI: 10.5281/zenodo.18069404

Д. С. Губина © 2025
*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Н. Панчехина)*

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

В исследовании анализируются лексико-семантические, стилистические и pragmaticальные особенности глаголов речи в текстах Ф. М. Достоевского. Цель — выявить роль этих глаголов в построении диалогов и художественного образа, а также их влияние на передачу эмоционально-психологического состояния персонажей. Задачи включают классификацию глаголов, исследование их частоты и функций, анализ выразительных возможностей в разных жанровых ситуациях. Результаты показывают, что глаголы речи выступают ключевыми элементами, формирующими динамичную структуру повествования и глубину художественного мира, что способствует более полному пониманию творчества классика и природы речи в художественном контексте.

Ключевые слова: глаголы речи, художественный текст, эмоциональное состояние, психологизм персонажей, лексико-семантические особенности, стилистика, pragmatika.

Глаголы речи играют ключевую роль в художественном диалоге, выполняя функцию передачи информации и отражения коммуникативных и pragmaticальных аспектов. Они раскрывают интенции говорящего, эмоции, характер отношений и динамику диалога. Важные функции глаголов — идентификация речевого акта, передача эмоциональной и социальной информации, а также формирование ритма диалога, что придаёт речи выразительность и живость.

С позиций коммуникативной лингвистики, глаголы речи выполняют разнообразные функции: информационную, экспрессивную, регулятивную, фатическую и метаязыковую, углубляя понимание межличностных взаимодействий. Их богатое стилистическое разнообразие позволяет создавать уникальные речевые портреты, выявлять скрытые мотивы и предчувствовать развитие сюжета — например, «прошептать» передаёт интимность, а «крикнуть» — конфликт. Благодаря этому глаголы речи служат важными маркерами авторской позиции, формируют восприятие читателя, создают атмосферу и подчёркивают значимые моменты. Мастерское их использование делает диалог динамичным и запоминающимся.

Глаголы речи — это слова, обозначающие действия, связанные с выражением мыслей, чувств и намерений в речевом взаимодействии. По смыслу и функции их можно разделить на несколько групп. Первая группа отражает внешнюю сторону речи, описывая процесс устной или письменной коммуникации (например, «произносить», «писать»). Приставки в этих глаголах указывают на начало действия («заговорить»), его завершённость («договорить») или незавершённость («недоговорить»).

Вторая группа связана с содержанием мысли, включая нейтральные глаголы («говорить», «высказывать») и фразеологические аналоги («говорить вздор», «нести ахинею»), часто усложнённые приставками, обогащающими смысл. Третья группа подчёркивает коммуникативный аспект речи, акцентируя передачу информации («сообщать», «передавать»). Четвёртая группа охватывает глаголы, отражающие речевое взаимодействие и контакт — «разговаривать», «спрашивать», «отвечать», «договариваться». Пятая группа обозначает побуждение через речь и обычно сочетается с инфинитивом («просить», «приказывать», «запрещать»). Шестая группа выражает эмоциональные отношения и оценки, делясь на глаголы, показывающие отношение субъекта к другим («обижать», «насмехаться»), а также оценочные — отрицательные («клеветать», «ругать») и положительные («хвалить», «одобрять»). Приставки в данной группе создают новые оттенки смысла.

Главной особенностью глаголов речи является их семантическая гибкость, позволяющая точно выражать степень действия, коммуникативную функцию, эмоциональную окраску и структуру речевого взаимодействия, что делает их незаменимым инструментом в построении выразительной и богатой по оттенкам художественной речи.

Речевая коммуникация — это процесс обмена информацией, в котором важна взаимосвязь между говорящим и слушающим. Модель коммуникации включает отправителя, сообщение, способ передачи, адресата и обратную связь, при этом контекст играет ключевую роль в понимании высказываний. Коммуникация — это не только передача данных, но и совместное формирование смысла в реальном времени, где получатель активно влияет на процесс.

Прагматика, изучающая язык в практическом применении, акцентирует внимание на намерениях говорящего, социальных нормах и ситуации общения. Речевые акты — утверждения, вопросы, просьбы — являются центральными в прагматике, определяя успешность взаимодействия через коммуникативные намерения и принципы. При нарушении этих принципов возникают импликатуры — скрытые смыслы, которые необходимо улавливать для корректного понимания.

Дискурс охватывает совокупность высказываний в контексте и демонстрирует влияние социальных, культурных и идеологических факторов на формирование значения. Изучение речевой коммуникации и прагматики позволяет анализировать как успешные, так и проблемные ситуации общения, выявлять причины недопониманий и конфликтов, что способствует более эффективному взаимодействию и укреплению межличностных отношений. В этом контексте глаголы речи служат выразителями конкретных речевых действий, отражая коммуникативный акт — информирование, вопрос, просьбу, побуждение и др. Их лексическое значение определяет коммуникативную функцию в общении, связанную с позицией говорящего и целью высказывания. Например, глагол «заявить» подчёркивает уверенность говорящего, тогда как «спросить» указывает на стремление получить информацию. Таким образом, глаголы речи напрямую связывают теоретические аспекты коммуникации и прагматики с практическим выражением мыслей и намерений в диалоге.

Стилистическая функция глаголов речи проявляется в выборе слов в зависимости от жанра, ситуации и эмоциональной окраски, формируя тональность и выразительность: в официальном стиле используются формальные глаголы («сообщить»), в разговорном — простые и эмоциональные («скажи»). Глаголы речи не только передают информацию, но и служат индикаторами намерений, эмоций, характера отношений и динамики диалога. Они помогают выявить тип речевого акта, прагматический смысл и социальную роль персонажей, а также обеспечивают ритм и живость диалогов, создают атмосферу, подчеркивают значимость моментов, выступают

маркерами авторской позиции, открывая скрытые мотивы и прогнозируя развитие сюжета.

С точки зрения коммуникативной лингвистики, глаголы речи выполняют информационную, экспрессивную, регулятивную, фатическую и метаязыковую функции. Они тесно связаны с теориями речевой коммуникации и прагматики, отражая обмен информацией, намерения говорящего, социальные нормы и контекст. Эти лингвистические особенности находят глубокое отражение в литературе, в частности у Достоевского. Концепция «голоса» у него связана с представлением человека как принципиально незавершённого существа, находящегося в постоянном диалоге с собой и миром. Каждый герой — носитель уникальной истины, которая раскрывается через речевые проявления и обладает автономной ценностью, не сводимой к взглядам автора.

Полифония в произведениях Ф. М. Достоевского — это сложная система взаимодействия различных сознаний, где каждый «голос» имеет право на существование и вносит свой вклад в понимание проблемы. Автор не навязывает свою точку зрения, а даёт читателю возможность самостоятельно определить истину, наблюдая за столкновением различных «голосов». Таким образом, связь между стилистикой глаголов речи и концепцией «голоса» в литературе помогает глубже понять как лингвистические механизмы коммуникации, так и философскую глубину художественного текста.

В произведениях Ф. М. Достоевского речевые особенности героев являются важным средством характеристики персонажа. Манера говорить, используемые слова и выражения, интонации — все это раскрывает внутренний мир героя, его убеждения, страхи и надежды. Глаголы речи, о которых говорил Луначарский, становятся своеобразными маркерами, позволяющими читателю отличить один «голос» от другого, понять его уникальность и неповторимость.

Акциональные глаголы речи играют ключевую роль в создании психологических портретов героев романа Ф. М. Достоевского, что обусловлено жанровыми традициями философского романа, насыщенного диалогами и монологами. В произведении присутствует около 52 разнообразных глаголов, отражающих речевую активность персонажей, таких как «сказать», «ответить», «спросить» и др.

Акциональные глаголы ментального действия, такие как «думать», «вспомнить», «кощебаться», выражают внутренние процессы героев, показывая их мысли, рассуждения и эмоциональные состояния. Глаголы движения и перемещения (например, «идти», «остановиться», «сбежать») описывают телодвижения и пространственные действия героев, усиливая реализм сцен. Физические действия фиксируются через глаголы, такие как «схватить», «ударить», подчеркивающие конкретные детали поведения, которые являются проявлениями эмоциональных состояний — агрессии, страха или решимости.

Глаголы эмоционального состояния представляют собой специфическую подгруппу статальных глаголов, которые обладают рядом семантических характеристик, таких как статичность, временная локализованность и отсутствие контроля со стороны субъекта. В описательных текстах они подчеркивают неизменность во времени, как в количественном, так и в качественном аспектах.

Тем не менее, в художественных произведениях эти глаголы могут сочетаться с элементами динамики, например, с указателями времени («сначала», «потом»), и использоваться в активном повествовании. Динамичность и значимость глагольных форм являются ключевыми аспектами повествования, где акциональные глаголы, обозначающие действия, играют основную роль, но эмоциональные глаголы также присутствуют, обогащая текст.

Отличительной чертой глагольной модели эмоционального состояния является наличие «активного» компонента, который позволяет воспринимать субъект как активно переживающего свои эмоции. Это выражается в его поведении и внешних проявлениях:

например, фраза «Он грустит» подразумевает, что человек демонстрирует свою грусть через действия и мимику.

В русском языке глагол обладает огромным экспрессивным потенциалом. По словам Н. И. Гречи, глагол придаёт жизнь высказыванию благодаря богатству семантики, множеству грамматических форм и синтаксических связей. В художественной речи он служит для передачи движения и изменений как в мире, так и во внутреннем состоянии человека, что непосредственно влияет на динамику повествования.

Эмоции в языке проявляются двояко: как субъективная оценка говорящего и как объективная реальность, отражаемая словами. В повествовании смысл эмоциональных состояний раскрывается через действия и движения персонажей, что делает эмоции частью динамичного сюжета.

Эмоции, выражаемые языком, в том числе через глаголы, рассматриваются как важная языковая категория (В. И. Шаховский). Эмотивные глаголы охватывают различные аспекты эмоционального опыта: состояния (например, «грустит»), становление состояний (как в «влюбиться»), отношения (например, «любить»), воздействия (в «влюбить»), а также внешние проявления эмоций (такие как «щеловать», «обнимать»). Эти глаголы объединяются по категории «эмоциональное состояние», что обеспечивает их стилистическую и семантическую однородность.

В контексте романа «Бесы» Ф. М. Достоевского было выявлено 173 эмотивных глагола, из которых 27 % отражают острые, крайние эмоциональные переживания — пограничные состояния, сумасшествие и душевные болезни. Герои романа — молодые одержимые революционной идеей, лишённые мистики, но обладающие глубокой психологической нестабильностью. Глаголы, описывающие эти состояния (такие как «терзаться», «бредить», «обезуметь», «кричать», «неистовствовать» и др.), не только создают психологический портрет персонажей, но и формируют напряжённую атмосферу всего произведения.

В произведениях Ф. М. Достоевского прагматическая нагрузка глаголов речи значительно варьируется в зависимости от жанрового и сюжетного контекста, что отражает функциональное назначение высказываний и характер взаимоотношений между персонажами. Эта вариативность позволяет глубже раскрыть эмоциональный и психологический фон сцен, а также подчеркнуть идеологические и социальные противоречия.

В религиозно-философских диалогах, например в «Бесах» или «Идиоте», глаголы речи несут мощную прагматическую функцию убеждения, провокации и идеологической борьбы. Часто встречаются глаголы «взвывать», «убеждать», «призывать», которые акцентируют напряжённый спор и поиск смысла. Здесь речь ориентирована на воздействие и трансформацию взглядов собеседников, что подчёркивает глубину философского дискурса и его экспрессивность. Кроме того, использование глаголов, таких как «открывать», «размышлять» и «исследовать», подчёркивает стремление персонажей к познанию и самопознанию. Эти глаголы создают атмосферу интеллектуального поиска, где каждый диалог становится не просто обменом мнениями, но и важным этапом на пути к истине. В этом контексте Ф. М. Достоевский демонстрирует, как слова могут служить инструментом не только для передачи информации, но и для глубокой внутренней трансформации.

Также следует отметить, что глаголы речи влияют не только на семантику высказывания, но и на его синтаксическую и прагматическую организацию — они задают речевой темп, распределение реплик и пауз, что критично для создания драматического ритма. Выбор вводных и вспомогательных глаголов («воскликнул»,

«прошептал», «замялся», «отрезал») часто сопровождается описательной ремаркой, усиливающей иллюзию непосредственного присутствия и зрительного ряда сцены.

Важна и стилистическая маркировка: нейтральные или информативные глаголы («сказал», «ответил») дистанцируют автора, тогда как оценочные и экспрессивные («прокричал», «закашлялся») вовлекают читателя в эмоциональную позицию. Через это Ф. М. Достоевский управляет идентификацией читателя с тем или иным голосом, меняя степень авторской симпатии и критики.

Техника передачи речи между прямой, косвенной и свободной косвенной позволяет варьировать степень погружения в сознание персонажа. В свободной косвенной речи глаголы «думал», «чувствовал», «решил» часто исчезают, а модификация речевой лексики и интонации сохраняет субъективный фокус, делая границу между авторским и персонажным голосом размытой.

Функциональная классификация глаголов речи полезна для анализа: коммуникативные (информирование, вопрос — «спросил», «уведомил»), экспрессивные (эмоциональные выплески — «закричал», «заплакал»), интроспективные (рефлексия — «размышлял», «сомневался») и прагматические (манипуляция, убеждение — «умолял», «убеждал»). В произведениях Ф.М. Достоевского эти категории часто переплетаются, отражая полифонию и многомерность человеческого состояния.

Глагольная система в языке связана с грамматической категорией времени, лица, числа и наклонения. [1, с.47]. Наконец, глаголы речи тесно связаны с морально-философской функцией текста: через речевые акты герои не только взаимодействуют друг с другом, но и проводят нравственные диспуты — обвиняют, каются, искупают, оправдываются. Это делает каждую реплику не просто коммуникацией, а сценой этического конфликта, где выбор речевого глагола задаёт и смысловую, и ценностную координату высказывания.

Анализ творчества Ф. М. Достоевского показывает, что глаголы речи выступают как гибкий инструмент, чья функция тесно связана с жанровой спецификой, развитием сюжета и характером межличностных отношений. Различные глаголы речи позволяют передать мельчайшие оттенки чувств и состояний персонажей. «В глагольных наименованиях, выражающих в самом своем знаковом значении понятие отношения, предметная отнесенность, направленность выносится за рамки глагольного наименования, имя признаку обязательно дается относительно семантической сферы субъекта или / и объекта» [2, с. 221]. Выбор глаголов отражает борьбу идей, общественные конфликты и внутренний мир героев. Часто у Ф. М. Достоевского глаголы речи не просто передают содержание высказывания, но и моделируют темп и динамику диалога — перебивка, нарастание, замедление или срыв восклицаниям усиливают драматическое напряжение. Через вербальные маркеры раскрывается полифоничность произведения: автор умышленно варьирует «говорящие голоса», создавая контраст между искренностью, лицемерием, убеждённостью и сомнением. Глаголы речи выполняют и прагматическую функцию — они демонстрируют попытки манипуляции, убеждения, самооправдания или исповеди; часто сопровождаются ремарками и описаниями мимики, которые углубляют психологическую правду сцены. Действительно, «акциональные глаголы речевого действия играют ведущую роль в создании психологических портретов героев романа Ф. М. Достоевского» [3, с. 38]. Наконец, стилистическая экспликация — выбор нейтральных, резко оценочных или ироничных глаголов — позволяет автору дистанцироваться или, наоборот, включиться в моральную дискуссию, направляя читательскую интерпретацию.

В зависимости от контекста, глаголы речи могут выполнять следующие задачи:

1. В религиозно-философских диалогах глаголы служат для воздействия на собеседника, провоцирования и ведения идеологической борьбы, подчеркивая напряженность спора и поиск истины. Примеры таких глаголов: «взвывать», «убеждать».

2. В психологических драмах и монологах они направлены на самоанализ и внутренние терзания, отражая рефлексию и сомнения, как, например, «размышлять» и «сомневаться».

3. В социально-бытовых сценах глаголы выражают конфликтность, агрессию и социальное напряжение, демонстрируя эмоциональные всплески и давление. Примеры включают «кричать» и «ругать».

4. В трагических и экзистенциальных моментах глаголы передают ощущение беспомощности, отчаяния и стремление к прощению, выражая глубокую эмоциональную уязвимость, как в словах «молить» и «стенать».

Следовательно, Ф. М. Достоевский мастерски применяет глаголы речи как ключевой элемент для формирования многогранных образов, раскрытия глубинных конфликтов и вовлечения читателя в сложный мир своих произведений. Эти глаголы становятся не только инструментом выражения эмоций, но и важным средством для передачи философских идей и социальных реалий. Таким образом, они создают многослойный текст, который продолжает волновать умы читателей на протяжении многих поколений, заставляя их задумываться о вечных вопросах человеческого существования и моральной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: эволюция, проблемы, аспекты / А.А. Уфимцева. — М.: Наука, 1986. — 240 с.
2. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.
3. Никандрова, И.А. Лексико-семантические группы глаголов как средство презентации персонажа в художественном дискурсе (по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») / И.А. Никандрова // Научный диалог. — 2013. — № 10 (22): Филология. — С. 36—47.

Поступила в редакцию 22.08.2025 г.

D. S. Gubina

VERBS OF SPEECH IN THE TEXTS OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF F.M. DOSTOEVSKY)

The study analyzes the lexico-semantic, stylistic, and pragmatic features of speech verbs in the texts of F.M. Dostoevsky. The aim is to identify the role of these verbs in constructing dialogues and artistic images, as well as their influence on conveying the emotional and psychological states of characters. The tasks include classifying the verbs, examining their frequency and functions, and analyzing their expressive possibilities in different genre situations. The results show that speech verbs serve as key elements shaping the dynamic structure of the narrative and the depth of the artistic world, thereby contributing to a more comprehensive understanding of the writer's work and the nature of speech in an artistic context.

Keywords: speech verbs, literary text, emotional state, character psychology, lexico-semantic features, stylistics, pragmatics.

Губина Дарья Сергеевна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Студент.
E-mail: gubinad4sch@yandex.ru

Панчехина Мария Николаевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchekhina@gmail.com

Gubina Daria Sergeevna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Student.
E-mail: gubinad4sch@yandex.ru

Panchehina Maria Nikolaevna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: mpanchekhina@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высыпается. Статья присыпается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Graduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;

- страницы не нумеруются;
- поля: вверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: ***М. Н. Иванова***;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*));
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)**;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «....,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуща и войны кипит всегдашний жар,
 На Марсовых полях он грозный был воитель.
 Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
 И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003

«Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке**;
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке**;
 - текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
 - ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие *сведения об авторах и научных руководителях* (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гла́дкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталья Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

M. A. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

M. A. Kapinosova

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistemic units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.*

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2025. — № 2 (28)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй